

84/2=632.1/6
А 285

АРЖАН АДАРОВ

ЦВЕТЫ
У ВЕЧНЫХ
СНЕГОВ

АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1979

АРЖАН АДАРОВ

A decorative, symmetrical floral frame with intricate scrollwork and leaf-like patterns, rendered in a light brown color. It encloses the title text.

ЦВЕТЫ
У ВЕЧНЫХ
СНЕГОВ

СТИХИ И ПОЭМЫ
Авторизованные переводы
с алтайского

84(2=632.1/6-5

P2
A 285

600623 V

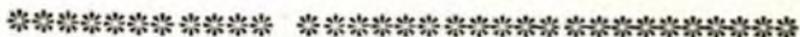
БУ РА «Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова»

A $\frac{70402-07}{M138(03)-79}$ 33-78

© Алтайское книжное издательство, 1979 г.

И СУДЬБЕ
БЛАГОДАРЕН

В пути, как факел, поднимаю Слово —
Пусть светит в обе стороны оно;
Пусть озарит и глубину бывшего,
И то, что лишь настать еще должно!

Нам нужно знать и видеть все преграды,
Самих себя осмыслить и понять —
И я тянусь. Я чувствую: мне надо
Как можно выше факел свой поднять.

Пусть мне твердят: а вправду ль нужно это!
Ведь с давних пор и вплоть до наших дней
Есть на земле великие поэты —
Их светочи, конечно, посильней.

И горный кряж, и тихие долины
Озарены их гением, а ты
Сумеешь ли достичь хоть половины
Их светлой и державной высоты?

Я соглашаюсь коротко: едва ли!
Но сердце говорит мне: освети,
Как малый костерок на перевале,
Хотя бы часть великого пути!

КОЧЕВНИКИ

Мы кочевников племя.

Нам тысячи лет.

Жили мы на земле как недолгие гости.

Мы с травой уходили,

и белые кости

В молчаливых курганах —

наш единственный след.

Кто мы?

Гул табунов, истлевших в степях.

Кто мы?

Тихий ковыль без конца и без края.

Сквозь века мы прошли на своих лошадях,

Вырастая в седле и в седле умирая.

Да, кочевники мы! И сейчас, и сейчас —

От зимовья к джайляу¹ и снова к зимовью...

Нет,

однажды зажженный огонь не погас,

Он по жилам бежит с беспокойною кровью.

Только лето — и сердце зовет нас вперед,

И, прищурившись, смотрим мы в синие дали.

Мы кочевники. Мы беспокойный народ.

Мы за счастьем своим столько лет кочевали.

К новой жизни мы шли,

крепко сидя в седле.

¹ Д ж а й л я у — летнее пастбище.

Сто веков прокатилось,
и пришло наше время,
И не гости теперь
мы на этой земле.
Мы хозяева здесь,
мы, кочевников племя.

ДУМЫ У МАВЗОЛЕЯ

Мы шли сюда со всех концов страны.
И вот, в ряду других, со стороны,
Свое лицо я вижу отраженным
В граните полированной стены.

Вот — вход. Ступени. Голову склони.
Все мелочные мысли прогони.
Здесь вечным сном уснул товарищ Ленин.
В его лицо спокойное взгляни.

Здесь тишина. Что, сердце, шепчешь ты?
«Оттуда, где алтайские хребты,
Тебе несу я, Самый Человечный,
Любовь и благодарность, и мечты!»

Поверь, Великий, сыну чабана:
Пусть небольшая сила мне дана, —
Все сделаю, себя не пожалею,
Была б счастливой милая страна!»

Здесь, как нигде, минута коротка.
Здесь, как нигде, минута — велика:
Всю жизнь свою припомнить успеваешь,
И явственней грядущие века.

Мы движемся безмолвно, как в строю,
Великому причастны бытию,
И вот опять на площадь мы выходим,
На Красную, прекрасную свою.

Мы будем в небо Родины глядеть,
Забудем шапки зимние надеть,
И будут в волосах снежинки таять
И чистыми росинками блеснуть...

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Мой старый партийный билет!
Нас вместе ветра обжигали,
Мы вместе с тобой прошагали
Немало стремительных лет.

Со мной ты, партийный билет,
Дорогами отчего края
Шел, сердце мое согревая,
И сердцем ответно согрет.

Весь опыт борьбы и побед,
Что в сердце глубоко хранится, —
В твои он впитался страницы,
Мой старый партийный билет!

Прощай же!

Особенный свет
Сегодняшний день излучает:
Сегодня в горькоме вручают
Мне
новый партийный билет!

Сегодня идут в кабинет
Один за другим коммунисты:
Прорабы, врачи, трактористы,
Учитель, чабан и поэт.

Ученый — за токарем вслед...
Известный охотник Алтая...
Ткачиха идет молодая
И Ленина видевший дед...

Мой новый партийный билет!
Знакомые снова приметы:
Девиз коммунистов планеты
И ленинский четкий портрет.

И слышу я отзвук бесед:
То в сейфе, в тиши кабинета,
Сейчас говорят партбилеты,
С соседом толкует сосед.

Им вспомнились пройденных лет
Свершенья,
пути,
новостройки
На западе
и на востоке,
Где в море родится рассвет...

Прощайте!
Нам отдыха нет,
Об отдыхе мы не мечтали:
Нам — дальше, сквозь времени дали,
Дорогой трудов и побед.

Грядущего слышим привет!
И всюду по-прежнему с нами
Великого Ленина знамя,
Бессмертный немеркнущий свет...

Нет,
я не Прометей.
Я алтайский кайчи¹,
Но меня
бог жестокий
к скале приковал,
Грудь мою
дракон рвал из Урумчи,
И двуглавый орел мое сердце клевал.
Мое сердце.
Мои, точно звезды, глаза...
Чтоб не видел я в черной ночи ни зги.
И когда на глаза набегала слеза,
Как они веселились, мои враги!
О пощаде врагов никогда не моли.
И хоть был я прикован
К скале ледяной —
Пел я братьям моим,
и враги мои
Ничего не могли поделать со мной!
И летели искры из сердца в ночь,
Озаряя рабства страшную ночь.
Так старался я братьям своим помочь,
Чтоб сумели злую судьбу превозмочь.

¹ К а й ч и — певец, сказитель, импровизатор.

Говорят: крепче камня будь!
Говорят: глубже моря будь!
Всем ветрам подставляя грудь,
Землю отчую — не забудь.

Здесь чужим себя не считай,
Для тебя навсегда, как встарь,
Это твой священный Алтай,
Это твой священный алтарь!..

Ночью птицы глухо кричат
И крылами глухо стучат,
А хребты говорят — молчат,
А хребты говорят — молчат...

МОЕМУ МАЛЬЧИКУ

Мой мальчик, можешь только ты
В конце любого дня
От маеты и суеты
Излечивать меня.
Когда, измучен и устал,
Я прихожу домой —
Лишь ты поможешь, хоть и мал,
Веселый мальчик мой!

Всегда мне дороги до слез
Сиянье детских глаз
И каждый умный твой вопрос,
И нежный твой приказ.
Того не зная, может быть,
Ты крылья даришь мне
И разрешение побыть,
Пожить в твоей стране.

Лишь только встречусь я с тобой —
И тает в сердце лед,
И расцветает голубой
Цветок — и я в полет
Опять готов, я вновь силен
С моей мечтой вдвоем,
И будет мной преодолен
Любой крутой подъем!

Как, разругаясь, ты красив,
Когда с толпой друзей,
«Волшебный ящик» разбудив,
Кричишь: «Ура, хоккей!
Кто впереди? Какой там счет?»
Как властен зов трубы,
Тебя волнует и влечет
Живая страсть борьбы!

А то затихнешь над столом,
Губами шевеля:
Встает из книг наш общий дом —
Огромная Земля.
Есть на планете много стран,
Но лучше всех — одна,
Просторнее, чем океан,
Любимая страна!

Мы перед ней всегда в долгу —
До края, до черты...
Предугадать я не могу,
Кем станешь в жизни ты.
Быть может, самых золотых
Достигнешь в небе звезд,
А может быть, твой жребий тих,
Бесхитростен и прост.

Но кем бы ты ни стал, какой
Ни выбрал в жизни путь —
Солдатской верностью мужской
Отчизне верен будь.

И помни: в мирной тишине
И если грянет бой,

Всегда хотелось бы и мне
Повсюду быть с тобой.

Когда тебя помчит ладья
По голубой реке,
Надежным, крепким стану я
Веслом в твоей руке.
Когда в пути, в лесу глухом
Привал устроишь свой —
Я обернусь пушистым мхом
И шелковой травой.

И сверх того еще один
Прошу у жизни дар:
Когда ты взрослым станешь, сын,
Пусть буду я не стар.
Под этим небом голубым
Успею, может быть,
Твоим соратником, твоим
Товарищем побыть!

Я разыскивал юность свою
И в горах, и в долинах зеленых,
И в степном, и в таежном краю,
И на длинных вокзальных перронах.

Я в столице пытался найти
Сумасшедшую эту беглянку:
Вспомнивая бывшие пути,
С Малой Бронной спешил на Таганку.

Я в знакомые двери стучал,
Слышал краткое: «Не проживает...»
«Что ж, простите», — жильцам отвечал.
И жильцы говорили: «Бывает».

Ни вблизи ее нет, ни вдали.
Где ж ты, спорщица, где ж ты, певунья?
Не сумели помочь, не смогли
Мне ни солнце, ни свет полнолуныя.

Где ты, счастье-несчастье мое,
Где глаза твои вечно сухие?..
Я пытался окликнуть ее
И на улицах братской Софии.

Но бесплодны попытки мои,
Не достиг моей призрачной цели.
А ведь пели же нам соловьи,
И для нас тополя шелестели!

Я к студентам с вопросом спешил,
На стройтельствах к юным рабочим,
Но впустую людей тормозил:
Не сыскал мою юность.

А, впрочем,
Иногда она виделась мне,
Улыбалась светло и жестоко,
Но всегда на другой стороне
Переулка, проспекта, потока...

ДРУЗЬЯМ

Друзья, вновь приду я на тот перевал,
Где с вами я некогда песни певал,

Где некогда наш полыхал костерок,
Чью искру доньше я в сердце сберег.

Уверен, что тропку сумею найти,
Взойду, поднимусь — и, не сбившись с пути,

От искры, которую так берегу,
На старом кострище огонь разожгу.

Слетайтесь, друзья, собирайтесь, друзья,
Товарищи, сверстники, юность моя!

Я знаю, внизу, в нашей жизни земной,
Уж кто-то не прежний, уж кто-то иной,

Он мимо проходит, в глаза не глядит,
Так важен, как будто на что-то сердит.

Все меньше сердечных и радостных встреч,
Короче при встречах дежурная речь.

А кто-то окончил свой жизненный путь,
И тяжесть земли навалилась на грудь.

А кто-то живой, но не пишет, молчит,
Друзей позабывший, друзьями забыт.

Но здесь, на вершине, мы те, что тогда,
Пылает костер наш — земная звезда,

И все мы красивы, и все хороши,
И любим друг друга всей силой души,

И друга никто никогда не предаст,
И палец при встрече ему не подаст.

Пусть в чем-то наивны, но духом чисты,
Мы смотрим на жизнь со своей высоты.

Не можем, конечно, узнать наперед,
Какой ожидает кого поворот,

Как строгая жизнь каждый день, каждый час
Возьмется учить и воспитывать нас.

А город лежит у подножья горы,
В нем окна горят — золотые миры,

Там взрослые мальчики нынче живут,
И скоро их жены к столу позовут

И чай разольют. И не знает иной,
Что нынче сидит у костра он со мной..

КАК ПТИЦЫ...

Мы, как птицы, не имели
Долголетних гнезд.
Мы под кедрами у речки
Ставили аил.
В дымоход струился ночью
Свет бессмертных звезд
И какие-то загадки
Древние таил.

Или встанут где-то юрты
Белые в степи,
Словно лебеди присели
Стаей — отдохнуть.
Разве можно удержать их,
Будто на цепи?
Посидели — улетели.
Бесконечен путь!

Может быть, иной кочевник
Станет знаменит —
Станут люди благодарно
Думать и рядить:
Где нам памятник поставить —
Розовый гранит,
По традиции всемирной —
Доску где прибить?

Где судьбы его начало,
Где родимый дом,
Тот аил, где зарождались
Первые мечты?
Если место, где стоял он,
И найдут с трудом —
Все равно: там только воздух,
Кедры да цветы.

Только речка все бормочет
Песенку одну,
Только снежные вершины
Высятся вдали.
Люди-птицы улетели
Вдаль, в голубизну,
Лишь в огне зари вечерней
Крылья обожгли.

Век другой. Ушло, растаяв,
Прошное, как дым.
Ню при звездах, ясной ночью —
Друг, не обессудь! —
Мне, бывает, и поныне
Кажется: летим!
В неизведанные дали
Бесконечен путь...

ЖИВАЯ ВОДА

Там, где тень отбросил горный гребень,
Где прохлада освежала тело,
Родничок мне с детства был знаком.

Дед мой уверял: родник — целебен!
Вечно голова его белела
В зарослях над самым родником.

Дед с ним вел беседы, головою,
Как живому, бережно кивая...
Вся природа, он считал, жива:

— Дерево не рань — оно живое,
Землю зря не мучь — она живая... —
И сегодня помню те слова!

Помню, заболел я — и тогда-то
Деревянный ковшик невысокий
Дед с водой принес из родника.

— Пей! Целебной силой, внук, богаты
Матери-земли живые соки... —
И, сухая, дрогнула рука.

Выпил я — и, верьте мне, повеял
День прохладой, силы мне даруя...
Не было здесь чуда — суть не в том:

Просто очень деду я поверил,
Просто верой в доброту земную
Был спасен я — как не раз потом!

Я — АЛТАЕЦ

Я — долина,
 все ветры хлестали меня,
Я — тайга,
 все снега засыпали меня.
Я конец и начало земли,
Из груди моей песни взошли.
Я — алтаец, народ,
Я хозяин долин и хребтов,
В моем сердце рубцы
От нескитанных стрел и клинков.
Я похож на дорогу,
По которой столетья шагал.
Я — алтаец,
Где кости того, кто меня убивал?
Где богатство того,
Кто веками мой хлеб отбирал?
Я горбат,
Я сутул —
Сто веков на захватчика спину я гнул.
Камни в пыль перетер я ногами
На дороге, где счастье искал.
Дым костров кочевых
Мне столетья глаза выжигал.
Я укрылся в горах —
Я ушел,
 я погиб,
 я исчез.

Я — алтаец,

Я — жив.

Я из мертвых

свободным

воскрес.

Я до капли из вен

выжму старую рабскую кровь.

Человек меж людей,

Жизнь свою начинаю я вновь,

Я — алтайский народ!

ЛЕТО

Перевал знаменит
И ветрами омыт.
Там трава шелестит.
Ветер в кедрах шумит.
Ветер в кедрах шумит.
Ствол могучий скрипит.
С перевала летит
Звон копыт, звон копыт.

Долетели до нас
Голоса с вышины.
Там кочуют сейчас
Чабаны, чабаны.
Чабаны, чабаны —
С высотой дружны.
С наступленьем весны —
Все в горах чабаны!

В мире славен давно
Мой народ кочевой.
Только солнце одно
Над его головой.
Кто в работе ловчей?
...Вырастает анл.
По соседству — ручей,
Чтобы влагой поил:

Чуть повыше — людей,
Вырастай же скорей,
Шестигранный дворец!

Ветры в кедрах поют
И в зеленой листве.
И плывут, и плывут
Облака в синеве.
Облака в синеве
И транзистор в траве.
Слышен шорох травы.
Слышен голос Москвы.

Ярких красок игра —
И антенны игла.
Мы сидим у костра.
Тихо ночь подошла.
Ты — алтайский чабан.
Я — алтайский поэт.
Шлем народам всех стран
Свой алтайский привет!

Приезжайте сюда
В гости, люди труда,
Где прекрасна всегда
Гор зубчатых гряда!
Будем вас угощать,
Сердце дружеством греть.
Будут песни звучать.
Будут звезды гореть.

Посветлеет — и тут
С голубой высоты
Звезды наземь падут,
Превратятся в цветы.

А стемнеет опять —
Вновь им в небо взлетать,
Снова звездами стать,
И сиять, и блистать!..

А пока мы вдвоем
С молодым чабаном
На Алтае своем,
На привале ночном.
Дивно лето в горах —
Кочевая пора!
На кедровых корнях
Мы сидим у костра.
Трубку держит рука.
В сердце зреет строка,
Вдаль плывут облака.
Ночь, как вздох, коротка...

ДРУГУ

В горах, где начат путь наш к нашей цели,
По-прежнему цветет альпийский луг,
И песне, что когда-то здесь мы пели,
Ручьи доныне вторят.

Слышишь, друг?

Состарились деревья, что когда-то
На склонах обступали нас вокруг,
Но есть их смена — рослые ребята,
Они опять зовут нас.

Слышишь, друг?

Там звезды нас, пленительно моргая,
Высматривают, ласковой подруг,
И ветер, все тропинки обегая,
По именам нас кличет.

Слышишь, друг?

Вернувшись из далекого отлета...
И в чаще примостясь на толстый сук,
Кукушка там для нас, не для кого-то,
Отсчитывает годы.

Слышишь, друг?

И матери, дряхлея понемногу,
Уставшие от множества разлук,

Там вопрошают старую дорогу,
Когда ж мы навестим их.

Слышишь, друг?

Я думаю в смущении глубоком:
Пора бы нам, немалый сделав крюк,
Вернуться, наконец, к своим истокам,
Пора бы к ним приникнуть...

Слышишь, друг?

Нас журавли разбудят, как бывало,
Мы примем хлеб из материнских рук
И с высоты родного перевала
На жизнь свою посмотрим.

Слышишь, друг?

Не стану обещать я, что моложе
Или красивей сделаемся вдруг,
Или чуть-чуть счастливее — но все же
Зову тебя в дорогу.

Слышишь, друг?

МАЛЕНЬКИЙ ХУДОЖНИК

Мой мальчик что-то рисовал —
А я его не понимал,
Ракета... конь...
Художник мал.
Он, утомленный, задремал.

Уснул, сжимая карандаш,
Строитель и воитель наш.
Он рядом положил с собой
Ружье и шапку со звездой.

Во сне его лицо горит,
Во сне «ура!» он говорит,
Пусть за окном ночная тишь —
Во сне воюет мой малыш.

Летит на боевом коне!
Переживает он во сне
Историю страны отцов,
К победе мчатся в строю бойцов!

История страны! Она
Ему в наследство отдана,
В его крови растворена,
В его мечтах повторена!

А рядом на листе одном
С тачанкой виден космодром,
Ушла ракета в небеса,
И — огненная полоса,

За ней простерся длинный след
К орбитам голубых планет,
А на борту — светла, горда
Все та же красная звезда!

Художник маленький, ты прав!
Наивен, прост и величав
Мальчишеский рисунок твой!
Склоняюсь нежно над тобой...

Грядущее земли — оно
Людской мечтою рождено,
В твоей душе отражено,
В твоей крови растворено!

И вот я вижу, мой малыш,
Не весь ты мне принадлежишь,
Бессмертным ветром бытия
Душа подхвачена твоя,
Не предсказать твои пути...
Будь счастлив, сын! Рости! Лети!

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ЛЮДЯМ

Негромок мой стих, не услышит весь свет.
Спасибо, что слышен Алтайским горам.
Не славен я, громкого имени нет,
И слово несу я своим землякам.
В одежды пророка рядиться смешно —
Что знаю в сравненьи с тобою, народ?
И если мне что-то сказать суждено,
Мой стих это слово в тебе же берет.
Пришел я к тебе не из дальних миров —
Я плотью и кровью частица твоя.
Бывал во дворцах и под кровлей шатров,
Но всюду я помнил, чей сын и кто я.
Мы счастливы ныне, о чем разговор!
Но, люди, в грядущие гляньте века:
Нам жить на земле среди этих же гор,
Должна быть, как горы, душа высока.
Прекрасную долю дала нам страна,
Неужто не в ногу пойдем со страной?
Нам мудрую книгу раскрыла она,
Ужель не осилим науки земной?
Иной оробеет: мол, хватит ли сил?
А кто ему слабым остаться велит?
А кто ему к знанию путь преградил,
Какой на пути его камень лежит?
Не мне поучать вас, как жить меж людей,
Как выйти к вершине крутою тропой.

Но горько бывает порой за друзей:
Споткнулся один, испугался другой.
Не стать занимать нам ни сил, ни ума,
Пригоршнями черпайте мудрость наук.
И если к вершине дорога пряма,
То кто нас с тобой остановит, мой друг?
Немало дала нам родная страна —
И книгу, и цель, и пример храбрецов.
И счастья в пути пожелала она
Нам, вышедшим к свету из мрака веков...
Я знаю, негромок и скромн мой стих,
Но все же услышит его мой народ:
Без пышных словес, побрякушек пустых,
Он словом сердечным в анлы придет.
Иду не учить вас — послушать людей:
Пришелся ль мой стих, не живу ль в облаках?
Немало в горах моих славных парней —
Узнали ль себя в моих скромных стихах?

КОММУНИСТ

Он коммунистом не был — по анкете,
Отец мой, дельный, вдумчивый мужик,
Но шрам косою не зря его пометил:
На белых в бой он шел как большевик!

Он коммунистом не был — по анкете,
Но строил школы, основал колхоз,
И — пусть и не отмеченный в билете! —
Немалым был его партийный взнос.

Он коммунистом не был — по анкете,
Был беспартийным. Но за все в стране,
Как коммунист, считал себя в ответе
И умер коммунистом на войне.

Он коммунистом не был — по анкете,
Но если взвесить мысли и дела,
То жизнь его под солнцем на планете —
Вся! — заявленьем в партию была.

Отец мой, коммунист без партбилета,
Вовек твой образ в сердце не умрет,
И для меня в живую плоть одеты
Слова большие: Партия, Народ...

ЕСТЬ НЕВЕДОМАЯ СВЯЗЬ...

«Когда увидишь ты во сне, —
Я слыхивал не раз, —
Что старой, кряжистой сосне
Пришел последний час,
Она простерта на земле,
И горек этот миг, —
Знай, что на днях в твоём селе
Умрет седой старик».

«Когда увидишь ты во сне, —
Я слыхивал не раз, —
Что юной, тоненькой сосне
Пришел последний час,
И рухнет, ветками шурша,
Через немного дней,
Знай, чья-то юная душа
Умчится в мир теней...»

Внимая сказкам старины,
Я в детстве трепетал.
Давно уж я не верю в сны,
Давно я взрослым стал,
Но верю, верю и сейчас,
Упреков не боясь,
Что есть с деревьями у нас
Таинственная связь.

Раскрыв объятия, к ним бегу:
Деревья, никогда
Пусть никакая на веку
Не тронет вас беда!
Вы, как друзья, встаете в ряд
Вдоль человеческих троп.
Из вашей плоти мастераят
И зыбку нам, и гроб.

Из вас — прижизненный наш дом
И наш посмертный дом,
Но все же главное, притом,
Не в этом и не в том.
Важней, мне кажется, вдвойне,
Что ритму наших дум
Так соразмерен в тишине
Ветвей спокойный шум.

Он, вроде, ровного ровней,
Но вслушайся — и вмиг
Услышишь в нем и храп коней,
И песнь, и смех, и крик.
И о любви людской не раз
Послышится рассказ,
Который и взволнует нас,
И успокоит нас.

Деревья старые, люблю
У вас погостевать.
Ловлю хвоннику, лист ловлю
В раскрытую тетрадь.
Шуршаньем хвои и листвы
В кругу детей, внучат
Со мной беседуете вы,
И только пин молчат.

АЛТАЙ

И вдали от тебя вспоминаю тебя, Алтай!
Точно камень бесценный,
Наполненный дымчатым светом,
Ты покоишься на груди планеты, —
То мерцают, то светятся, лучиком солнца задеты,
Твои грани, и песнею полнится грудь.
Иногда ты мне кажешься кедром могучим, Алтай,—
Тянешь ветви зеленые, вечнозеленый,
И касаешься звезд величавою кроной,
И, как струны топшура, вздыхаешь влюбленной
Каждой малой хвоинкой своей.
В жарком южном краю о прохладе твоей грущу,
А на севере дальнем твоей теплоты ищу.
Где б я ни был, твоих вспоминаю людей,
Об одном лишь мечтаю: вернуться к тебе поскорей,
Оказаться в объятиях синих гор,
Молчаливо склониться над ликом твоих озер,
Их коснуться губами, как любимых бездонных очей,
И упасть меж цветами, что огня горячей...
Мою милую землю, Алтай, обнимаю опять,
И не в силах никто от Алтая меня оторвать,
И смеюсь я от счастья, и слез не умею скрывать,
И судьбе благодарен, что здесь родила меня мать!..

Я — МАГІЯ

Что ж мне снятся пожары былые
В красном мареве дальней зари —
Пирамиды в дыму золотые,
Вековые в огне алтари?
Нет давно уж ни инков, ни майя,
Нет космических их городов, —
Кто ж мне шепчет, что я
Понимаю
Позабытые знаки их слов?
Вы ушли, вы погибли, вы пали,
Жег вас порох, свинец вас косил.
Чужеземцы, они хохотали
У языческих ваших могил.
Сожжены и развеяны прахом
Золотые легенды веков.
Как цинично смеялись монахи
Над бессилем ваших богов!
Где он умер, последний из майя —
Жрец, провидец движенья светил?
На каком он костре умирая,
Тайну предков с собой уносил?
На века, навсегда, в бесконечность.
От врагов, от друзей, от людей.
Почему же я вижу сквозь вечность
Дым костров, слышу ржанье коней?
Почему на вершинах Алтая

Столько в горы идет отар,
Будто тучи, стада видны.
Ах, весна моя, что со мной —
Все слова мои неясны.
Вон черемухам под луной,
Точно девушкам, снятся сны!
А в глазах твоих синий свет,
А шаги твои так легки!
И смущенно молчит поэт,
И цветут в строке огоньки...

ОКТЯБРЬ

Вот и снова пришел ты, октябрь.
Белый снег и метель бела,
Над домами машут ее крыла,
Милый месяц октябрь.
И опять ты в плен меня взял —
Белой медведицей лег на мое крыльцо,
Пухлых белых сугробов воздвиг кольцо,
И под окнами белый кружит карнавал,

Мой снежный октябрь,
Мой снежный октябрь...

Полыхает в груди моей летний жар,
Осенние краски в глазах моих,
Только майских цветов разлитый пожар
Под снегом пушистым стих.

Пусть пурга во дворе кружит бела —
В доме моем хватает тепла
Для всех земляков моих,

Мой снежный октябрь,
Мой снежный октябрь...

Во главе белой-белой большой зимы
С красным знаменем встал октябрь.
Не в тебе ли победы минувших лет?
Не в тебе ли надежды грядущих лет?
Не в тебе ли радость всех сущих лет?
Дни разлук, ожиданий дни,
Занесенный снегами след,

Мой снежный октябрь,
Мой снежный октябрь...

Затихает осенняя песня земли —
Где-то нынче родные трубят журавли?
Опускается занавес снежный, касаясь век,
За окошком алмазный искрится снег,
И плывут, трепеща на ветру, вдали
Красные флаги — цветы земли,

Твои цветы, мой октябрь,
Гвоздики твои, мой октябрь...

Ах, как жарко от них в груди, октябрь,
Будто в сердце они расцвели моем,
Будто в молодость родины мы идем,
В день рожденья ее, октябрь.

Мой Великий Октябрь,
Мой Великий Октябрь.

ДУМЫ

Вот опять я молчу, одиноч и устал,
Будто горы держал, будто скалы таскал.
И морщины на лбу — словно складки тех гор.
Не ревнуй меня, милая, грустен твой взор.
Что такое со мной, не спрашивай ты.
Стали плечи мои, как Алтай хребты:
Шевельнусь, и обрушатся камни со скал,
И засыплет долины внезапный обвал.
А глаза — как озера: мне страшно моргать,
Чтобы воды их светлые не расплескать.
Что такое со мной? Словно в землю я врос,
Головою коснулся мерцающих звезд,
А в груди — так рокочат вулканы в ночи —
Глубоко-глубоко где-то сердце стучит.
О Алтай мой, Алтай, мне б увидеть разок
В млечных далях тропинки твоей волосок!
Все смотрю, все ищу — где ты там? Как ты там?
Только больно глазам, непосильно глазам.
Точно в кряжистых кедрах таинственный ток,
В моих мускулах вешний колотится сок,
Только, легкий мой стих, что ж недолог твой
срок?
Быстровянувший, видно, взрастил я цветок.
Если б жизнь своей кровью мой стих налила,
Как гора, его строчка была б тяжела.
Я кажусь себе кедром алтайским порой,

Что корнями могучими сроеся с горой,
Гнет тяжелую ветвь созревающий плод,
И блестит на вершине нетающий лед...
И опять я молчу, одиноч и устал,
Будто горы держал, будто скалы таскал.
Не кори меня, милая, грусть затая, —
Нелегка эта долгая дума моя.
Точно горы, безмолвно лежат на плечах
Те слова, что еще не сказал я в стихах
О тебе, мой Алтай, о тебе, мой народ,
Удержу ли его, созревающий плод?
Или вдруг надломлюсь и песками времен
Буду всеми забытый навек погребен?
И стихам, что под сердцем ношу я давно,
Им под пеплом молчанья остыть суждено?

СЛОВА

Слова мои тяжелеют.
Труднее с ними возиться!
А раньше легкими были,
Стремительными, как птицы.

Сами в полет просились,
Из рук вырывались сами —
И пропадали, как птицы,
За кручами, за лесами.

Крылатые, улетали
За горы, за перевалы,
Обратно не возвращались,
Как будто их не бывало.

А нынче нам в лица зрелость
Суровым ветром пахнула,
И мы выверяем слово
Сосредоточенно, хмуро.

А ну как оно, подобно
Яванскому бумерангу,
Вернется к нам — и ударит,
В сердце оставив ранку,

Да и не ранку — рану,
Ведь слово-то — тяжелее!

...Боль познавшие сами,
Мы больше людей жалеем.

«Не ранить бы зря!» — забота
Всегда в душе остается.
Но даже и слово ласки
Теперь нам трудней дается.

Где раньше бы я воскликнул:
«Любимая, дорогая!» —
Теперь все чаще — лишь гляну,
Взглядом оберегая.

Где раньше сто клятв, не меньше,
Успел бы высказать другу,
Теперь не скажу ни слова,
Лишь стисну покрепче руку.

Слова мои тяжелеют,
Трудней их ворочать стало.
Не то, чтоб я стал слабее,
Не то, чтоб душа устала,
Но хочется верить,

в нашем

Слове

в зрелые годы

Все больше руды добротной,
Все меньше пустой породы...

АЛЕКСЕЮ КАЛКИНУ

То не ветер ли гудящий
Пролетает над горами,
Над лесной ветвистой чащей,
Над полянами-коврами?

Или то звучит не ветер,
А певца волшебный голос?
Весь мой сад ему ответил,
Тишь, как чаша, раскололась!

И шумит листва густая,
И слышны мне в колыханье
Песни витязей Алтая,
Боевых коней дыханье.

Те бойцы давно в могиле,
И коней истлели шкуры,
Но бывшее пробудили
Струны вещие топшура.

Помнишь, Калкин, как мы пели
На поляне той зеленой,
Где над нами шелестели
Старцы-кедры мощной кроной?

Свет лила луна большая,
Заменяло небо крышу.

До сих пор, как проезжаю,
В том лесу я песню слышу.

Я не знаю, как случилось —
Или впрямь, тебе внимая,
У тебя тайга училась
Величавым звукам кая?

Калкин, вспомнится не раз нам,
Как тебе мы подпевали
На высоком и прекрасном
Ябоганском перевале.

Столько древнего, родного
Сохранили песни эти!
Слышу их — и верю снова:
Есть бессмертне на свете.

Пой, певец, не умолкая!
Пусть и в будущем столетье
От могучей песни кая
Заколышутся соцветья!

ВЕТЕР ЛЮБВИ

Я слушаю сад
Весной поутру:
Деревья шумят
На вольном ветру.

Не ворчат на него,
Не маются —
Радуются,
Обнимаются!

Он добрый, он свой —
Ворвавшийся в сны,
Тот ветер живой
Любви и весны!

Весной, поутру
В мой сад я смотрю,
В мой сад я смотрю —
И так говорю:

«О ветер любви,
Коснись и людей,
Меж нами живи,
Сердцами владей!

Чтоб тот, кто устал,
Отпел, отлюбил,

Вновь молод бы стал,
Про годы забыл.

Чтоб тот, кто не стар,
Был молод и впредь —
До срока не стал —
Черстветь и стареть!..»

Не нойте: «Сквозняк!» —
А выйдите в сад,
Послушайте, как
Деревья шумят —

Не ворчат на ветер,
Не маются —
Радуются,
Обнимаются!

ВЫСОТА

Над костром ли ночным, над дневною тропой —
Здесь извечно открыт небосвод над тобой.
Даже в сон погружаясь, смежая глаза,
Ты витаешь мечтой в вышине голубой.
И в глазах твоих черных пылью золотой
Тлеют звездные дали над тихой землей
И до света, мерцая сквозь млечный туман,
Посылают лучи по орбите крутой.
Но земля повернет остывающий бок,
И оплавится вдруг над горами восток.
И, расправив свои огневые крыла,
Долгожданное утро спешит на порог...
И едва первый луч прикоснется к щеке,
Ты проснешься. Бормочет огонь в камельке,
И в раскрытых дверях улыбается мать,
И сияет, как солнце, подойник в руке.
Ты спросонок глаза протираешь скорей,
Будто чары небесных снимаешь гостей,
И бежишь из анла привычной тропой
По лугам за отарой ушедшей своей.
Две пригоршни росы —
И как не было сна:
Как вода ключевая, роса холодна,
И искрится в лугах голубая трава,
Будто звездная в небе ночном седина...
С детских лет, заглядевшись в простор голубой,

Я часами люблюсь его глубиной —
Сколько лунных ночей,
Сколько темных ночей
Отошло в бесконечность с тех пор надо мной!
Но чем дальше гляжу, тем ясней и светлей
Все живут они в памяти вечной моей —
И звезда, что в моих ночевала зрачках,
И огонь, от которого сердцу теплей.
Дети гор и таинственных высей сыны,
Мы в надоблачных далях на свет рождены,
Где, наверно, лишь песни рождаться должны.

СОСНА

Зеленая тайна, лесная сосна,
То шепчется с небом, не слышу я слов,
То каждую веточкой ловит она
Невнятные звуки далеких миров.
Как нежен, как ласков твой голос живой —
Не сердце ли шепчет в груди у меня?
Как долго ладонь моя пахнет смолой,
Как долго мне машешь, пьяня!
Зеленая сказка, огонь золотой,
Как людям себя отдаешь ты светло —
И кров, и ограда и в холод, и в зной,
И дом, и дворец, и живое тепло!
Иной человек и разумен на вид,
И кровь в нем красна,
И живет меж людей,
А в душу заглянешь — она не горит,
Безмолвного камня она холодней.
Ты грешь — тепла,
И ласкаешь — нежна,
Хоть дерево ты, а щедра и ясна.
Качает кудрявою кроной сосна —
Задумалась? Верит? Кивает она?

НА БЕРЕГУ ИША

Я прожитые годы
Разделил пополам —
Скинул двадцать,
И стало мне двадцать опять.
Ах, как сладко в груди!
Миражи давних лет окружили меня,
Словно был я убит
И начал опять оживать.
Вон черемуха в белом цвету —
Не черемуха, девушка в белом наряде
Раскинула шаль надо мной,
Волшебную белую шаль,
Наделенную силой
Воскрешать мертвых.
Вон журчащий в лесу родничок,
Весь студеный, прозрачный и чистый —
Он наполнен живою водой,
Он все шепчет мне тайцу бессмертья.
А кукушка,
Совсем молодая кукушка,
Что сюда залетела из сказки,
Кукует, кукует, кукует,
И я понимать начинаю,
Что смерти, конечно же, нет.
Легок и строен мой стан!
Сил и желаний избыток.

Лето меня обнимает,
Зеленым прикрыв плащом.
Но теплый июньский дождь
Смывает с меня постепенно
Проклятья врагов и упреки друзей,
И гром мне как вздох облегченья...

Милый берег Иша
В самом деле в черемухе весь.
Соловьи опьянели от песен,
И на галечник донный луна
Улеглась, улыбаясь,
И слушает трели.
Уж не в честь ли мою
В самом деле поют соловьи!
«С днем рожденья!» — мне шепчет мой друг
И бокал поднимает с улыбкой.
«С днем рожденья!» — поют соловьи
И сулят долголетье к'укушки.

А всего-то и было —
Купались в реке при луне
И смеялись, как будто нам было по двадцать,
И верили: ждут нас счастливые годы.
Впрочем, в тягость ли жизнь!

Мы подставим плечо,
Если где-то споткнется товарищ.
Мы поднимем его,
Мы разделим с ним горе!
В трудный час мы на помощь придем
И наград не попросим за это.
Только б вечер такой,
Только б так вот сидеть у реки,
Слушать хор соловьев,

Улыбаться их радости дружной,
Сбросить с плеч все печали
И отдать себя этой вот — нежной и чистой.
Чтобы стало опять двадцать лет.
Чтобы кружку родник наполнял.
Чтоб светила луна
И товарищ тебе улыбался.

АРГОНАВТЫ

Может, манит и нас золотое руно?
Может, как аргонавт, ты покинул свой край,
Но не нам ли с тобой известно давно:
Не от слова ли «золото» слово «Алтай»?
Ищем вечное лето мы где-то порой,
Сколько гор обойдем,
Сколько бродим мы дней,
И, бывает, совсем не заметим, друг мой,
Что кедровая ветка в долине родной
Отогрелась на солнце и стала длинней,
Что девчонка с глазами косули степной
Стала девушкой — сыщешь ли равную ей!
Что мы ищем с тобою в безвестном краю?
Сном каким растревожили душу свою?
Все равно и у ласковых самых морей
Снятся кедры зеленые, запах ветвей,
И, как те аргонавты с бесценным руном,
Мы в родные края до рассвета придем,
Видя сердцем родные улыбки людей,
Только станут они и милей, и родней.
И священной любовью,
И бессильней слова,
Лишь покажется где-то за синью морской
Легендарной Сумер-золотая глава!
И по-новому ярки цветы и трава,
И под кровлей отцовской опять ты впервой.

В мире мало нас, очень нас мало, дружок,
Но как ярко пылает родной очажок!
И, однако, однако, опять за руном,
Точно те аргонавты, с тобой мы уйдем,
Но не с золотом чьим-то мешок привезем,
А с любовью к Алтаю
Вернемся в свой дом...

ДЕРЕВЕНСКАЯ КУЗНИЦА

Усталый и потный вернулся мой брат,
От горна под вечер пришел он домой.
Тяжелые руки недвижно лежат,
Сидит за столом, как железо, немой.
Он мастер железа, волшебник огня,
Он каждому нужен в деревне своей:
Ракеты к Вечере летят, а коня
Какой институт подкует для людей?
С утра до заката весь день у него
Без устали молот тяжелый взлетал, —
Не в домне, а в маленьком горне его
Белеет и гнется послушный металл.
Крестьянская кузня, задымленный кров, —
Не здесь ли берешь ты начало, прогресс?
Не вам ли, прапращурь новых цехов,
Мой предок молитву творил до небес?
Крепчала веками, крута и права,
Рабочего воля в труде и борьбе,
Пока зазвенели железом слова,
Чтоб им и Октябрь заявил о себе...
Ах, брат мой, тяжелые руки твои,
Они как баллада, как песни, как гимн.
О чем ты молчишь, говори, не таи,
Окутанный дымом табачным тугим?
Тверда и медлительна речь твоя, брат.
Слова точно гвозди — не вытянешь зря.

Они будто в пламени горна лежат,
Пока, золотые, не вынешь, даря.
Крестьянская кузня, далекий аил,
Синеет над горном флажок огонька...
Не так ли под сердцем я песню носил,
Чтоб молнией вдруг полыхнула строка?..

ЧЕЛОВЕК

Сколько лет мне сейчас?
Или, может, веков?
Я не знаю,
Не сочту, сколько раз
На земле зеленел, как весна, я,
Не сочту, сколько раз
Бронзовел я, как спелая осень,
И белел, как зима,
И рождался для будущих весен!

Помнит плоть моя смутно
Весь пройденный путь превращений:
Был я свежим листом,
Был я нежной травинкой весенней,
Был бегучей водой,
Был цветами алтайского лета
И в луче золотистом —
Горячими квантами света.

А душа чем была?
Над ущельями дымкой туманной,
Светом дальней звезды,
Материнскою песней гортанной,
Стоном ветра в горах
И в долинах ночной тишиною...

И теперь, наконец,
Это все называется
Мною.

Мнится мне, что глаза мои
Смотрят на мир не впервые:
Я уж видел и солнце,
И молний мечи огневые,
Был царем, был рабом,
И прославленным был, и забытым,
Строил — и разрушал,
Убивал я —
И падал убитым.

Заметали меня
Ураганы песчаные Гоби,
Ты найдешь мое имя
На плитах старинных надгробий,
Был развеян я в прах —
И опять поднимался из праха,
Звезд касался мечтой,
Ведал страх —
И не ведал я страха.

В недрах мозга, в подкорке,
Не высказанная словами,
Напластована память
Бесчисленных существований.
С каждым новым рождением
К ней добавлял я немного —
В безднах жизни и смерти
Моя пролегла дорога!

Был я грешен и свят,
Скотоводом и воином был я,

В голубой высоте
Разлетался космической пылью
И опять возрождался,
И новое чудо рожденья
Было мне всякий раз
Как от смутного сна пробужденье.

Вновь себя сознавал я,
Людские черты обретая,
Колыбель моя — Азия,
Вечные горы Алтая.
К справедливости, к правде
Я сердцем тянусь изначала,
Но, бывало, оно
Плохо правду и ложь различало...

Я склонялся над книгами,
Строчками полнил тетрадки,
Я стремился упрямо
Постичь вековые загадки,
Я себя торопил,
Пробиваясь к надежным ответам,
Так, что мозг мой трещал
И, казалось, искрился при этом!

Исполинское солнце
В свой час над горами вставало —
И не спавшим всю ночь
За работой меня заставляло.
И луна удивлялась:
— Откуда упорство такое?..
По природе, по крови
Я весь — отрицанье покоя!

Сколько лет мне сегодня?
Мне тридцать, согласно анкете.
Но вернее сказать:
Много дольше живу я на свете,
Может — тысячи лет,
Может быть — миллион семизначный,
Я ровесник и небу,
И капле мгновенно-прозрачной.

Я наследую прошлого
Горечь, и гордость, и славу.
Годы предков моих —
Не мои разве годы по праву?
Подрастает мой сын,
Все, что надо, сумеет сберечь он.
Что мне возраст любой?
Я не стар и не молод:
Я — вечен.

СМЕРТЬ КОЛХОЗНИКА

Тяжелым был его последний день.
Казалось, что верхом он едет где-то.
А конь неслышно движется,
Как тень,
И с каждым шагом —
Меньше,
Меньше света.
Так трудно он из жизни уходил:
Глаза закрыты.
Губы почернели.
Вот губы облизнул (хватило сил)
И —
Шепот, различимый еле-еле:
«Не забывайте детей, люди...
Не обижайте жену, люди...
А я...
Я петь сейчас хочу...
Ведь без песни пастух никогда не уезжает..

И в предсмертном бреду он запел.
Непонятные хриплые звуки.
Отдыхают впервые от дел
Уже ставшие мертвыми руки...
Закричала, забила жена.

А потом — тишина.

Тишина.

Тишиною накрыт его дом,
Словно речка, накрытая льдом.
В дом этот тихий люди заходят,
Вздыхнут,
Постоят,
На работу уходят.

На дворе слышен стук — это гроб мастерят.
Председатель могилу посылает копать,
И уводит осиротевших ребят
Сердобольный сосед к себе ночевать.
Вся деревня в путь снаряжает его,
Вся деревня ночами не гасит огней,
Вся деревня не спит, поминая того,
Кто не знал никогда праздню прожитых дней.
Поминает того, кто навеки замолк,
Честно выполнив свой долг.

Вот лежит он в гробу,
Спокоен и тих,
В первый раз позабыв о заботах своих,
Непохожий,
Черный, словно чугуи,
И нет дела ему, где колхозный табун.
А ведь он его больше жизни берег,
Ледяными ночами в горах стерег.
Вот лежит он,
Новый на нем пиджак —
Редко в жизни своей одевался он так!

Вот подняли сельчане его,
Понесли.

И на кладбище,
На берегу реки,
Вырос маленький холмик черной земли,
Черный холмик,
Как точка в конце строки.
(А далеко в горах заржал его конь,
Ткнулся мордой в шершавую чью-то ладонь).

Помянули его хмельной аракой.
Кто-то тут же бутылку о камень разбил —
Издавна существует обычай такой.

Прожил жизнь человек.
Он страдал и любил,
Он в трудах и заботах
Был ночью и днем.
Что осталось миру на память о нем?

Ничего!
Только песня пастушья его,
Да еще трудовая слава его,
Да еще им выращенные стада,
Да еще им сметанные стога.
Да еще осталась его вдова,
Да еще старушки одной слова,
Что сказала, слезинку смахнувши с век:
«До чего же хороший был человек...»

Летит издалека,
Сквозь поздний листопад
В часы закатов.

Неслышно осыпается листва.
Сырой земли
Червонная оправа.
И замирают на губах
Слова.
И не шелохнет лес —
Трубят маралы...

ЗОЛОТАЯ КУКУШКА

Если над вершинами Алтая
Пролетит кукушка золотая,
И когда кукушка запоет
(Старики об этом говорили),
Мертвые пробудятся в могиле,
И цветок из камня прорастет.
Я спускался к дому с перевала.
Столько и еще полстолько лет
Серая кукушка мне считала,
Куковала мне, что смерти нет.
Отсыпала годы щедрой мерой,
Слушал я кукушку, а у ног
Превращался каждый камень серый
В синеглазый маленький цветок.
Я иду лесами Толубая.
Сколько весен прожил — я не знаю,
Но с висков снежинки не стряхнуть.
Только нынче я, как прежде, юный,
И поют серебряные струны,
Синим звоном наполняя грудь.
Эй, кукушка золотая, где ты?
Столько песен о тебе пропето,
Столько сказок в дедовском дому,
Столько раз ты по ночам мне снилась!
Отчего же ты не появилась,
Не пропела песни никому?

Спит мой дед в долине Толубая,
И не ждет он больше никого.
Что же ты, кукушка золотая,
Обманула деда моего?
Спит мой дед.
Он больше не проснется,
Не увидит солнца старику.
Над его могилой раздается
Гулкое,
Протяжное «ку-ку»...

Пой, кукушка,
Пой среди ветвей,
И никто твой голос не заглушит.
Светом и печалью веет в душу
От бессмертной песенки твоей!
Будем уходить мы друг за другом,
Будут нас все реже вспоминать,
Над лесами
Серая пичуга
Будет годы долгие считать.

КЕДРЫ ГИБНУТ

Гибнут столетние наши кедры.
Гибнут алтайские богатыри.
Падают вонны с сердцем пронзенным.
Вон еще рухнул один, смотри!
Разве смола это?
Нет, это слезы
Наземь сочатся струйкой живой.
Зубья железные леспромхоза,
Электропил торжествующий вой.
Словно народ, нападения не ждавший
И обреченный на верную смерть,
Гибнут
Столетние кедры наши.
Гибнут,
И страшно на это смотреть.
Вы, столько лет шумевшие кедры!
Нас понимать умевшие кедры,
Вечнозеленые, стройные кедры,
В небо влюбленные, мощные кедры,
В самое пекло дарившие тень, —
Вот он, пришел ваш последний день...
Жизнь вы дарили зверю и птице,
Оберегали земли и воды.
Да!
Ваша песня навек сохранится
В сердце народа, в песне народа.

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Здравствуй, мой мальчик,
Здравствуй, мой маленький!
Знал бы кто, как я счастлив,
Что, кроме огромного человечества,
Есть у меня сынок...

Я видел
Морей изменчивую красоту,
Тонущие в огнях города,
Гудящие, как вулкан, города,
Чужие красивые города.
Я видел всюду
Тебя, мой сынок,
Едва закрывал глаза.

Вырастешь, повзрослеешь...
А знаешь, когда повзрослеешь?
Когда увидишь,
Что ослепительные города,
Полнеба сжигающие города,
Как россыпь алмазная города
Не затмевают в душе,
Маленького костра,
Света снежных вершин,
Шума родной тайги...
Вот когда повзрослеешь.

В холм Акрополя бьется
Прибой неоновый. Тонут
Афины в цветном огне.
И как легко улетает
Мечта моя,
Вечная дума
К родным берегам Катуня...

Знал бы ты — как мы счастливы,
Очень, мой мальчик, счастливы,
Что, кроме огромной планеты,
Есть у нас наша родина —
Наш голубой Алтай!
И есть нам куда вернуться,
Есть что повсюду помнить,
Есть что любить и беречь.
Как сердце алтайца, чистые
Вечные наши горы,
Можжевельника запах,
Песни густые, как кровь,
Добрые люди, родня...

О, как мы безмерно счастливы, мальчик!

Когда я говорю: «О мой Алтай!» —
Мне возвращает эхо: мой Алтарь,
Когда молчу, припав к твоим камням,
Не небесам я кланяюсь, — горам.
Когда в глазах слеза блеснет, светла,
Тебя вдали я вижу, Улала...
О, как чисты озера там, вдали,
Когда их покидают журавли!
Как синь туман над Табатоем вдруг,
Когда уходят лебеди на юг!
И горы, молчаливы и ясны,
Глядят свои серебряные сны,
И кедры, кедры там, на склонах их,
И сладки слезы на глазах моих!
И лишь туман, как песня, голубой
Качается вдали передо мной.
И я у кедра старого молю:
Скажи мне, где дорога в Улалу?
...О, если б даже был изгнанник я
И все меня забыли бы друзья,
Далекий блеск вершин твоих, мой край,
Помог бы мне вернуться на Алтай!

СОМНЕНИЕ

Порой сжигает душу мне тоска,
Стою как перед снежным перевалом:
То ль осень поздняя,
То ль ранняя весна?
Гнетет меня неясная она,
Трубит сентябрь — и лес объят пожаром.

Еще один отсчитан в жизни год.
Еще одна мечта моя угасла.
Мне снится кедр над Яйлагушем¹ властным, —
Когда б хоть он сумел ответить ясно,
Что день грядущий в жизни мне несет!

Кто скажет мне, смогу ли одолеть
Тот перевал, укрытый снежной тучей?
Ах родина, рукой своей могучей
Дай силы мне — хочу еще посметь!

Труби, сентябрь, вскинь свой вещий рог —
Пускай гуляет эхо над хребтами!
Горн в груди, неистовое пламя,
Чтоб молнии ломались над стихами,
Чтоб слово в сердце раскалить я мог.

¹ Яйлагуш — горный перевал на Алтае.

Не стой преградой, снежен и суров,
Мой перевал, дремучей скрытый тучей.
Ах, родина, рукой своей могучей
Дай силы мне, чтоб одолеть врагов!

Из грохочущих, дымных, больших городов
Я вернулся на милую землю мою.
Я смотрю на пушистые крыши домов,
В переулке заснеженном долго стою.
А вокруг моих гор чистота и покой,
Где-то чуткие лани бредут сквозь снега,
И красавцы маралы стоят над скалой,
Молчаливую тучу поддев на рога.
Небом плечи прикрыв, мои горы молчат,
Только звезды мерцают над их седной,
Будто слушает мир, как снежинки скрипят,
Ах, как громко снежинки скрипят под ногой!
Горы милые! Выются дымки очагов,
Над безмолвными крышами мир и покой.
До околицы мира всего сто шагов,
Но живет она вместе со всею страной.
Здесь земля чабанов, моих братьев родных.
С неба звезд не хватают мои земляки.
Это верно, поскольку хватает земных,
Чтоб украсить героям свои пиджаки.
Только как ни милы тишина и покой,
Вдруг пригрезится: поезд зовет нас, гудя.
Нам взглянуть бы на Красную площадь порой,
Поклониться б хоть раз Мавзолею вождя!
То Кавказ позовет нас, то крымский прибой,
То Якутия кличет из дали своей, —

В век полетов и скорости сверхзвуковой
Стали ближе дороги и больше друзей.
Реактивная выюга, чужда ль нам она?
Ах, как манит порою небес синева!
Хоть, конечно, милее для нас тишина,
Когда хрустнет — за сто километров слышна! —
Под копытцем косули сухая трава,
Когда снова усталый вернешься в свой дом,
Когда кедры родные обступят толпой
И маральник весенний воздушным пером
Каждый камень обводит чертой огневой...
Человечество путь свой торит сквозь века,
Не исчезнут и наши следы меж других:
Пусть твой голос негромок — душа высока,
Мой народ, ты оставишь в истории их.
...Вот и вновь мое сердце полно тишиной,
Где-то в землях иных городов голоса.
И опять я смотрю на Алтай голубой,
И от счастья блестит на ресницах роса.

ЛИРА
БРАТСТВА

КОМУС

1.

«Ведь есть же впрямь транзисторы у нас,
Способные ловить все волны мира —
Кому ж и вправду нужен ты сейчас,
Комус алтайский, маленькая лира?
Сейчас пора мелодий громовых,
Эстрадных потрясателей эфира —
И, как ни тщишь, в могучем хоре их
Твой звук потонет, маленькая лира!»
Так многие сегодня говорят,
Быстролетящей моде потакая,
И, слыша их в который раз подряд,
Я головой в раздумье поникаю...

2.

Я вижу горы, ночь и свет луны.
Костер. И дым прозрачными клубами.
Сошлись к своей стоянке чабаны,
И конь звезды касается губами,
Как будто он дыханием своим
Холодные созвездья согревает.
Звучит комус. И музыка, как дым,
Охватывает душу, наплывает.
Напев старинный трогает меня.

Он легче лепестка алтайской розы,
Так нежен он, что даже у коня,
Я вижу, на глазах сверкнули слезы...

3.

Я на руку беру тебя, стальной
Комус алтайский, древний, благородный.
Ты наделен единственной струной,
Но сколько струн задел в душе народной!
Весь на ладони уместился ты,
По форме — словно сердце, треуголен.
Что говорить, просты твои черты,
Напев негромок — но широк и волен.
Здесь, на Алтае, ты изобретен
Или купец неведомо откуда
Привез тебя, как дар иных племен,
Для утешенья кочевого люда?

4.

Что говорить, удобен ты в пути,
Комус, в тысячелетьях неизменный!
Легко тебя за пазухой нести,
Легко — в кармане куртки современной.
Тебя к губам подносит человек —
Вокруг цветы восходят, пламенея,
И тает самый плотный зимний снег,
И родина становится роднее.
Как будто малый вспыхнул огонек
И спорит, разгораясь, с ветром встречным,
И человек уже не одинок
Наедине с безмерным, бесконечным...

5.

Какой кузнец, в какой земной стране,
В каком тысячелетии впервые
Тебя сковал и закалил в огне,
Потом во льду — не знаем мы, живые.
Но знаем: и поныне ты звучишь
В барханах раскаленных Каракумов
И пробуждаешь снеговую тишь
В краю оленей, нарт и дымных чумов.
Твон напевы древние слышны,
Как знать, что все мы родственны глубинно,
В селениях венгерской стороны,
В горах Тувы, в уютном доме финна...

6.

Ковбойский фильм я видел. В нем громят
Индийское селение громилы.
Жилища островерхие горят,
Похожи на алтайские аилы.
Свистит свинец, награбленного груз
Влачит бандит, рыча остервенело...
И я услышал вдруг: звучал комус,
Мелодия знакомая звенела!
Стонал комус, он голос подавал,
Не требуя дотошных переводов,
Казалось мне: о помощи взывал
Он к Азии — праматери народов!

7.

Как ты попал на эти берега,
Родной комус? Прислушиваюсь к звуку
Мелодии твоей. Она долга
И сладкую в душе рождает муку.

Я чувствую, как в глубине веков,
Переплетаясь, ворочаются корни,
Я верю в общность двух материков,
Чем дальше, тем сильнее и упорней.
Я верю в братство всех людей земли,
И эта вера крепнет, наполняя
Все существо мое, когда вдали
Напев твой слышу, Азия родная!

8.

Родной комус, как дорог сердцу он!
Когда-то на потертой карте школьной
Я разглядел — и замер, поражен:
Алтай по форме — тоже треугольный!
Комус напоминает он собой
И сердце человеческое — тоже.
А может быть, так велено судьбой,
И не случайно столь они похожи?
Итак, звучи, звучи, не умолкай,
Дорожная пастушеская лира —
Звени, комус! Пой, сердце! Пой, Алтай,
Во имя братства, Радости и Мира!

Я их скажу, высокие слова,
Тебе, народ, принявший нас в семью.
В глаза гляжу — чиста их синева,
На землю обращенная мою.

Ты дал и мне могучий свой язык
И поделился мудростью своей,
И к языкам обоим я приник,
Счастливый сын двух добрых матерей.

Ты с пушкинской строкой пришел в анл,
Ты правдой Ильича нас окрылил,
О русский удивительный народ.
И вновь полны мы мудрости и сил,
Согретые лучом твоих забот.

Тепло души и дум высоких строй
Ты даришь нескудеющей рукой,
И, как и все сыны страны одной,
Тебе мы благодарности полны:
Ты стольким дал свободу и покой
И мзды не брал — свободе нет цены!

Не сыновья ль и дочери твои,
Подвижники, в углы глухие шли
И свет сердец и дружбы нам несли,

И умирали на краю земли,
Презревшие богатство и почет,
О русский удивительный народ!

Бросал Октябрь твоим глаголом клич,
Писал декрет твоей строкой Ильич,
О вечный, удивительный народ.
Недаром образ матери встает,
Когда тебя пытаюсь я постичь.

Ты точно мать одной большой семьи,
Где лад и мир — старания твои.
Пусть разнолик, разноязык твой дом,
Но привечасшь всех ты за столом,
Сама присесть забудешь иногда,
Но сколько счастья в облике твоём!

Не ищешь ты ни славы, ни даров,
Но пред тобой я шапку снять готов,
Скажу лишь: «Мама, мой родимый кров», —
И вновь тебя, Россия, узнаю.
Всегда мудра, добра и широка,
Все беды отвела твоя рука,
Свела в одну великую семью
Все племена и родину мою.

Ты сердцем щедр, ты добротой велик.
Согретый дружбой, верить я привык:
Не угасает жар твоих забот,
И верю я — всю землю обоймет
Любовь твоя, о русский мой народ!

СЕРГЕЕВНА

Хранитель преданий былых,
Чудесница трав полевых.
Ведунья, колдунья, вдова,
Какне ты знала слова!
Пред печкою старою став,
Шепча над своим чугуном,
Варила ты зелья из трав,
Творила молитву тайком.
И в ветхой избенке твоей
Все банки да склянки, горшки,
Как будто алхимик — ей-ей! —
Толчет тут свои порошки.
Согнулась по старости лет,
Лишь голос, как струнка, поет
Да в ласковом взгляде привет, —
Монашка ли, ведьма живет?
«Лекарка», — прошепчет сосед.
«Колдунья», — поправит другой.
Никто не сочтет, сколько лет
Шептались у ней за спиной.
Когда-то был мал я и хвор,
И мама, подумав — конец,
Пришла к той старушке во двор —
Спаси, мол, погибнет малец.
«Сергеевна, может, травой?
Святая ль ты, ведьма — молю...

Нечистый, наверно, какой
Вселился в кровинку мою». —
Она не заставила ждать,
Давала мне травы сперва.
Водой принялась обмывать,
Шепча заговора слова.
«То соки родимой земли,
Ты пей их, сынок, не робей,
Чтоб травы тебе помогли —
Они колдовства-то верней».
А мама вздыхала порой:
«Сергеевна, чем одарю?
Вот сыру возьми-ка с собой.
Хоть кислый, — возьми, говорю...»
Бывало, алтайки в тот дом
К ней в дверь постучат, не дыша, —
Всех встретит по-русски, добром
Старушка, святая душа.
И нету в словах колдовства —
О травах они, о цветах,
И добрая суть естества
Заронится в чистых сердцах.
Сергеевна вечно в горах —
То травам поклон, то листкам.
Чего она ищет в лугах?
Чего она шепчет цветам?
Живая ль вода ей нужна,
Ведет ли там с господом спор?
Не тайну ль бессмертья она
Надеется вырвать у гор?
Но вечная жизнь не для нас,
Нет жизни за смертной чертой.
Настал и Сергеевнине час
Тихонько уйти на покой.
И только в сердцах у людей

Все добрая память жива:
То шепчет ей тайны трава,
Что были доступны лишь ей.
То где-то бормочет ручей,
Доносит мне голос ее.
О добрый целитель людей,
Светло предсказанье твое.
И память, тиха и светла,
Хранит мирный свет твоих глаз.
Как будто ты с тем и пришла,
Чтоб высветлить этот рассказ.
Ты знаешь бессмертия ключ,
Ты мудрая мать всех людей,
Ты шла по горам, точно луч,
Срывала цветы меж камней,
Чтоб смертных людей врачевать,
О добрая русская мать.

В ДОМЕ УРАСТЫРОВА

Старший брат мой, Кюншук Урастыров,
мудрец,

Сам внучку качает одной рукой,
Сам вино разливает другой рукой,
Сам песню поет — древнюю олонхо.
То улыбнется ребенку — песня ему,
То к нам повернется — нам дивный рассказ.
В одной руке кубок,
В другой дитя, —
Он в доме своем точно древний бог,
Заботящийся о нас.
Как ни лют мороз,
Как ночь ни долга,
Таких витязей не собьешь с ног.
Кто путь измерит, что вы прошли
От Байкала-моря до полярной земли!
Чтоб пешком обойти ваш Якутский край,
Человеку не хватит жизни одной.
От яств богатых прогинулся стол —
За столом сегодня Алтай голубой.
Мы сидим и слушаем древние слова,
Мы забыли их, растеряли давно.
«Наполняйте бокалы, пейте вино», —
Говорит витязь, седая голова.
А может, это молвил Урастыров сам,
Поднимая древний золотой бокал?

Я смотрю в оба на землю друзей,
Никогда в Якутии я не бывал.
Я стихам якутским внимаю как во сне,
И видней становится братьев страна —
Белые олени белы как снег,
Океана синего холодна волна.
Или меня гуси на крыльях несут
Над тайгой зеленой, над синью озер,
И от взмаха крыльев ветер в лицо,
Прохладный ветер с зеленых гор...
А за окном березы белым-белы,
Где тут полюс холода — юга теплей!
Старший в доме Кюнинок—Владимир Михайлович,
Радушный и мудрый, угощает гостей.
Весь литой из бронзы, как древний наш бог,
Сердечной улыбкой лицо озарено,
Поэт известный, отчества сын,
За столом дружеским разливает вино.
Он в своем доме как караван-бажи¹ —
В одной руке ребенок,
Бокал в другой, —
Как начало жизни, ее торжество
Урастыров мудрый, певец седой.

¹ К а р а в а н - б а ж и — начальник каравана.

ЧУРАПЧА¹

Голубое стекло озер
В дорогой оправе лугов.
Точно птицы взлетев с воды,
Мчатся кони во весь опор.
Пламенеет на их хребтах
Незакатного солнца шар,
На оленьих крутых рогах
К океану уйдет пожар.
Точно снег, журавли белы, —
Брачных танцев у них пора,
И скользит у них по крылам
Луч вечерний, как кровь, горя.
В чороон — деревянный бокал —
Разливая кумыс хмельной,
Шепчет женщина нам: «Айхал!»²,
Опуская взор огневой.
Древний-древний наш общий слог
То понятен, то незнаком.
Впрочем, все объяснить помог
Этот взор ее с огоньком.
Ясен лик чурапчинских озер —
Рядом с солнцем в волнах луна,
И танцуют якуты йохор³,

¹ Ч у р а п ч а — райцентр в Якутии.

² А й х а л — привет.

³ Й о х о р — национальный танец.

И прозрачна берез белизна.
Жарок летнего солнца круг —
Ледяная земля парит,
И деревья танцуют вокруг,
Дружно ветви подняв в зенит.
Горячи здесь сердца людей,
Тот, кто холоден — не жилец:
Бесконечную тьму ночей
Озарит лишь огонь сердец.
Так поднимем кумыс хмельной —
Кубок к кубку, к руке рука,
Незакатное над землей
Светит солнце нам сквозь века!
Не кончается пир друзей.
Солнце кони по тундре мчат,
В гривах бьется клубок лучей,
И не близок его закат.
И луну на ветвях рогов
Дерзко вскинул олень в зенит,
И, ломая громады льдов,
Далеко океан гремит...
Незакатного солнца край,
Негасимых сердец страна,
Бесконечных ночей земля
Их сердцами освещена!
Только вспомню я о друзьях,
Вижу солнечные лучи,
Вижу — лебеди на волнах
Голубых озер Чурапчи...

ДУМА У МОГИЛЫ АБАЯ

Есть великие люди в народе всегда —
Полководец, ученый, мудрец и поэт,
Есть святыни — могилы, дворцы, города
И народный вожак, славный тысячу лет.
Имена их как звезды горят впереди.
Имена их — знамена в нелегком пути.
Это Пушкин у русских.
У казахов — Абай,
А какая звезда над тобою, Алтай?
Есть курганы у нас среди лунных долин,
Есть могучие горы в сиянье седин,
Письмена, что забыты за давностью лет,
Бесконечных кочевий затерянный след.
Кто под синим курганом в земле погребен —
Храбрый воин, поэт или древний пророк?
Нет земли без поэта, без песни времен —
Даже камень поет, красотою пленен...
Был однажды я гостем казахских стений,
Был я счастлив и горд в окруженьи людей,
И казалось, лишь степи сравняться могли
С широтою души моих добрых друзей.
Было знойное лето, и солнце пекло,
У простого мазара¹ один я стоял.
Как обычный чабан похоронен Абай,
Тот, кто с жадностью, с ложью всю жизнь воевал!

¹ М а з а р — могила (казахск.).

Чтобы ветер не выдул с могилы земли,
Положили на холмик шербатовых камней.
И шуршат над могилой его ковыли,
Будто шепчут слова, что он пел для людей...
Я не знаю, нужны ли здесь бронза и медь,
Если травам строкою Абая звенеть.
Если звезды горят над могилой певца,
Чтоб нетленное сердце поэта согреть!
Песнь Абая, ее ль не поют до сих пор?
Плач Абая, его ли не плачут до сих пор?
Речь Абая, она ль не урок до сих пор?
Стих Абая не учат ли впрок до сих пор?
Как и прежде, здесь ветры степные весной
Гладят холмик поэта горячей рукой,
И джигиты со строчкой его на устах
Мчатся степью широкой на быстрых конях...
Есть великий у каждого племени сын:
Токтогул у киргизов,
У казахов — Абай.
Знаю, не был ты беден певцами, Алтай,
Только имя свое не назвал ни один.
Безразлична ушедшим хвала и хула,
Сам рассудит народ, кто велик и кто мал,
Лишь бы боль за людей в твоём сердце жила,
А хорошую песню народ не терял.
Обойден даром слова ты не был, Алтай.
Это горы молчат,
А народ — он поет.
Точно соколы, песни уходят в полет,
Я посланец тех песен, великий Абай.
Настоящая песня отыщет свой путь.
Я стою у великой могилы твоей.
И слова новых песен взрывают мне грудь
С каждым вздохом сильней,
С каждым часом ясней.

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Две сестры — две вершины твои, Эльбрус,
В синем небе белеет их белый убор.
Я привез им привет от Алтайских гор,
Я с горами безмолвный веду разговор.
Как гранитного моря застывший прибой,
Белогривые горы за валом вал.
Все мне кажется — Пушкин стоит над скалой,
Точно крылья орлиные, плащ за спиной.
А в дубраве зеленой у ног Машука
Где-то Лермонтов, мстительной пулей сражен,
Долгим взглядом с Кавказом прощается он,
И никак не растают в глазах облака...
Дорога и страшна эта плата царям
За свободную речь, за проклятье цепям, —
Как сквозь строй, непокорным пройти сквозь хулу
И великим
Навеки остаться векам!
За столетьем столетья идут чередой,
А поэзия ваша слышней и звучней.
Не о вас ли задумался гордый Кавказ?
Вы любили его до конца своих дней.
Край бессмертных, обитель поэтов и муз!
Как к святыне, к скале прикоснется ладонь, —
Не на ней ли страдал за людей Прометей,
Подаривший землянам небесный огонь?
Не сюда ли шагал непокорный иной,

Чтобы кануть в безвестье юдоли земной?
Но не ты ли, Кавказ, врачевал их порой
Вольным ветром своим и своей высотой?
Звал их к новым вершинам и силы вливал,
Чтобы были крепки, как гранит этих скал,
Над ослабшими песни свои напевал.
Эти песни, Кавказ, все звучат надо мной!
Узнаю твоих гениев дивных следы,
Их стихи, их заветы, как горы, горды.
Край певцов и поэтов, спасибо тебе,
Будем в жизни и мы, точно горы, тверды!
Видя скалы твои, говорю я порой:
Ты не брат ли Алтаю своей высотой?
Те же тропы у нас, только бродит марал,
Те же песни, немало Алтай их создал.
И в горах моих милых, в дали голубой
Слышны песни кайчи, их напев вековой.
Где поэзия легкой ступает ногой,
Вырастают цветы под волшебной стопой.
И когда-нибудь — верю, придет этот час —
Народится великий поэт и у нас,
И тогда, мой прекрасный и древний Алтай,
Будет песней с тобой состязаться Кавказ.
Потому-то, любясь твоей высотой,
Вспоминаю все чаще Алтай золотой:
Будто вот поворот, и под цокот копыт
Пронесут наши парни напев дорогой!
Что ж, прощай мой суровый и гордый Кавказ,
Ожидают Алтайские горы назад,
Где я песне родной
И народу родной,
Потому-то гляжу на Эльбрус голубой,
А в ушах мои кедры звенят и звенят...

БРОНЗОВАЯ ДЕВА

Этот древний гранитный храм,
Высота поднебесных колонн,
Юных дев золотые тела
Тешат бога горячий взор...

Он плывет на золотой ладье,
Солица Бог — Амон-Ра,
Всем живущим дарует он
Радость жизни земной.
Девы, жрицы его, стройны,
Столько неги и ласки в них!
Бог с любимиц не сводит глаз,
Царь нисходит к ним по ночам.
Девы-жрицы глядят со стен,
В дивном танце застыв навек.
И заброшенный древний храм
Повествует о давних днях.
С каждой фрески его видны
Дни былые, былая жизнь.
Пирамиды его белы,
Неподвластны они векам...
Страстный танец прекрасных дев,
Ублажающих Амон-Ра...

Я привез статуэтку с собой —
Жрица трепетно смотрит вдаль:

Ждет ли грозного бога она,
Фараон ли ей виден там?
А быть может, владыка-жрец,
Чья любовь жарче солнца жжет,
Чьи объятия страстны так,
Там приносит жертву богам?
Статуэтку держу в руке, —
Дева юная, кто она?
Не богиня ли красотой?
Не рабыня ли для услад?
Не она ли на ложе твоём
Задушила тебя, фараон?
Или только всю жизнь тебе
Поклонялась, безносый сфинкс?
А быть может, в царских садах
Проводила беспечно дни?
Или страсть к тебе, Эхнатон¹,
Помутила рассудок ей?
Я не знаю. Молчат века
О судьбе красоты ее, —
Услаждала ли взор богов,
Вдохновляла ль певцов простых?

...Будто эхо среди колонн,
Бродит песни далекий звук,
И над бронзовым алтарем
С трона дым следит фараон...

¹ Эхнатон — древнеегипетский фараон.

ПО НЕБУ ГОЛУБОМУ УЛЕТЯТ

Имашхану

...А юрты наши в тех степях просторных
Стояли рядом, друг мой, до поры,
И разжигали рядом мы костры
На неприступных перевалах горных.

И дружно жили наши семьи обе,
И степь свою любили горячо,
Встречали, как положено, мечом
Врагов, приходящих из чужой земли.

Степь — наше небо. Юрты — наши птицы —
Взмывали в небо стаяй лебедей,
Спешили по весне к речной воде,
Чтоб осенью обратно возвратиться.

На юг. На север. Вереницей. Стаей.
Они летели... Каменный паряд
На людях, что сейчас в степи стоят, —
Монголы иль алтайцы — я не знаю.

...Мы днем у гор оранжевых стояли,
Вершила осень чудо-колдовство.
Мы чувствовали кровное родство
Сердец, что вместе рвутся к светлым далям.

Для счастья всех грядущих поколений
Отбросили мы племенной раздор.
Мы дальше видим. Просветлел наш взор,
Нам эту зоркость дал Великий Ленин.

Под вечер мы сидели кругом узким
И пели дружно, общую, одну,
Ту песню, что летела в вышину —
Алтаец и казах, монгол и русский.

Форель ловили в речках быстротечных
Руками — так надежней и верней,
Как прашуры, садились на коней
И лихо мчались против ветров встречных.

Я часто здесь бываю вновь и снова
На красоту Монголии дивлюсь...
Вот юрту вижу. Это дикий гусь
Ссл отдохнуть перед дорогой новой.

Я знаю: есть дворцы в твоей столице,
Есть храмы у тебя и города,
Но юрты снятся мне твои всегда,
И твой народ гостеприимный снится.

А юрты что? Они стоят до срока,
До времени весеннего стоят,
По небу голубому улетят,
Лишь стебли трав живым нальются соком.

Пишу письмо. А птицы, пролетая,
Над одинокой юртою твоей
Тебе привет передадут. Скорей
Махни рукой крылатой птичьей стаей!..

ХУДОЖНИК И РЕВОЛЮЦИЯ

Баллада

I

Солнце Мексики, к небу в зените прибитое,
Разноцветно сверкает, как перья фазаны.
Это солнце с рожденья любил Диегито —
Стройный мальчик с индейскими чудо-глазами.

И еще он любил свой красивый, упрямый,
Свой влюбленный в свободу народ смуглокожий,
Тесноту карнавалов и тихие храмы,
Где мадонны на белых мадонн не похожи.

А глаза у мальчишки — действительно чудо!
Видел он сто цветов, где другие лишь десять!
О, откуда приходит такое, откуда
Эта жажда творить, удивляться, чудесить?

Но кончалась коррида. С трибун стадиона
Расходилась толпа — те бедны, те богаты,
И сурово смотрели седые пеоны,
Ветераны — бойцы из отрядов Сапаты.

И вовеки не скроется солнце в тумане,
Не погаснет в свободу старинная вера!
Так за дело, товарищ! Револьвер в кармане,
Кисть в руке коммуниста Диего Ривера!

Он людские черты лепит грубо и резко,
Ощущая в груди торопящее жженье,
Новой битвой становится каждая фреска,
И любая стена — словно поле сраженья.

Нет, его не прельстит легкой славы приманка.
А к отчизне любовь — бесконечна, бездонна...
И ему улыбалась простая крестьянка,
Мексиканка, натурщица, радость, мадонна.

II

Что за ночи над Мексикой! Полные мощи.
В небо тянутся пальмы гигантского роста,
Дремлет кактусов короткорукая роща,
И на иглы натыканы крупные звезды.
А прибой атлантический бьет, не доступен!
А история в камне молчит, как немая!
И луна золотая повисла, как бубен,
Над руинами капищ ацтеков и майя.

Он бродил при луне по безлюдным дорогам,
Он с ночным мирозданьем беседовал много,
И в тени пирамид передумал о многом
Перед каменным ликом забытого бога.
А наутро опять — кисти, краски, работа!
Плещет красное знамя в руках молодежи,
И ведут на борьбу пролетарские роты
Маркс и Ленин, чуть-чуть на индейцев похожи.

Иногда он, усталый, в раздумье садился:
«Говорят, — пролетариев в Мексике мало!
Неужели же я слишком рано родился,
И для нас революций пора не настала?»

Чье же слышу дыхание я за плечами,
В те часы, когда Истину я обнажаю?..»
Скрежетали зубами враги. И ножами
Краски фресок со стен соскребали.

Но Ривера опять поднимался на стены,
Восходил на леса, как строитель, как зодчий...
И вставляли бойцы павшим братьям на смену,
Примыкал к забастовке прозревший рабочий.
Слышу я, как зовут пролетарские песни:
«Справедливой борьбе безраздельно отдайся!» —
И седлает коня Революции вестник,
Мексиканец, похожий лицом на алтайца.

Нет, не выдумка это и нет, не легенда,
Где-то в прошлом глубоком сплетаются корни,
Знает вечность, что родственны два континента.
Нас единое семя взрастило и кормит.
Первый солнечный луч тронул плоскую крышу.
Золотеет пустынная серая сьерра.
Я Америку вижу и Азию вижу
В Мексиканской мадонне Диего Ривера!

Вот я вижу, с утра на работу идет он,
И шаги раздаются все звонче и звонче,
Ярким шарфом индейским вокруг шеи обмотан,
В шляпе широкополой, в расцветченном пончо.
А над ним сумасшедшие краски рассвета
Разноцветно сверкают, как перья фазаны,
Штукатурка сырая, еще не прогрета,
В тишине ожидает его прикасания.

И солдаты Сапаты, сквозь времени дали,
Из стены проступают и смотрят сурово,
И студенты, которых вчера расстреляли,
Оживают и в бой поднимаются снова!

ОТБЛЕСК
ПОЖАРОВ
ВОЙНЫ

КОММУНАРЫ

Здесь коммунары спят, не видя снов,
Сном непробудным, тихим, вечным.
Над ними — пряный аромат цветов
И алый свет звезды пятиконечной.

Там Чулышман-река шумит. Над ней
Нависли горы молчаливым строем.
И шепчет старая сосна сосне:
«Здесь пали безымянные герон...»
Оделся тополь в праздничный убор,
Гуляет ветер в тростниках низовый,
Вздыхают пихты, наклонившись с гор:
«Они погибли ради жизни новой...»

На солнце окна школьные горят.
И яблони стоят в весеннем платье.
И горы вторят голосам ребят:
«Герон умерли за наше счастье...»

...Кайру¹, ты помнишь ночь,
Когда враги
Ползли в долину сонную украдкой?
...О, как тихи бандитские шаги

¹ К а й р у — первый приток реки Чулышман.

АЛТАЙСКИЙ ЭСКАДРОН

*Памяти бойца Алтайского эскадрона,
полковника М. С. Каташева*

Даурня, Даурня,
Ветра со всех сторон.
Шел под грозой и бурею
Алтайский эскадрон.
Вскипали дали выстрелами,
Звенели близи саблями,
Но кони были быстрыми,
А люди были храбрыми.
Стояли на горбатом
Амурском берегу
Алтайские ребята
Преградою врагу.
Сигнальною ракетой
Взрывалась тишина.
Вставала над планетою
Великая война.
Голов своих не гнули,
Шли в бой за край родной.
Под бомбами и пулями
Редел их строй стальной.
Один смертельно ранен был
У речки Халхин-Гол,
Другой из Померании

Обратно не пришел.
За Вислою и Одрою,
От служб освобожден,
Раскинул руки мертвые
Алтайский эскадрон.
Осенней ночью хмурою,
От пуль заговорен,
Проходит по Даурии
Алтайский эскадрон...
Идет стальная конница,
И ветер знамя вьет,
И никогда не кончится
Бессмертный тот поход.

ПЕСНИ КОМСОМОЛОК

Снова вспомнилось детство мне.
Ночь. Луна. И песня в ночи.
Все звучит она в тишине,
Сколько раз ни проснусь — звучит.
Кто поет ее там, вдалеке?
Или это журчит река?
Или белые, налегке
Мчатся ветры издалека?
Ночь бела и луна кругла,
Смотрит в круглые мне глаза.
Как ночная звезда, светла
На ресницах моих слеза.
— Мама, кто поет по ночам? —
Тормошу я, не в силах спать.
— Комсомолки, девчата там, —
Мне из тьмы отвечает мать.
Это верно: девичий хор,
Парни все на войне давно.
И плывет эта песня с гор
На щемящей волне в окно.
Голубой лепесток огня —
Как трепещет в ночи она,
Как тоскует она, звеня.
Как мне долго она слышна!
Молотилок невнятный стук,
Шепот веялок, скрип колес,

Загремели телеги вдруг —
Хлеб для фронта повез обоз...
Может быть, только плуг и знал
Теплоту ваших нежных рук,
Только ветер и целовал
Губы пламенные подруг.
Обнимали парни не вас —
Землю выжженную войной.
Где-то в танках их жег фугас,
Где-то шторм их хлестал волной.
Если мимо летел свинец —
Это вы его отвели,
Это сила ваших сердец
Поднимала парней с земли.
Комсомолки военных лет,
Героини военных дней,
Вас надежней на свете нет,
В мире не было вас верней!
Имена б ваши звездам дать,
Дать бы самым красивым цветам,
Песни б звонкие посвящать,
Дорогие подруги, вам!
Слышу, слышу я вновь и вновь
Песни ваши сквозь все года,
И великая ваша любовь
Очищает меня всегда.

ЖЕНЩИНЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Вдовы солдат погибших,
Опора сирот голодных,
Бессмертные в материнстве,
Познавшие муки богинь!
Мы все в долгу перед вами,
Что наши беды в сравненьи!
Кто зерен измерит тяжесть
В ладонях вашей судьбы?
Кто горечь тех слов измерит
На малом клочке бумажном
Трагических «похоронок»?
А мертвых не воскресить...
Не вашими ли руками
Броней одевались танки?
И ваши нежные руки
Молота знали вес.
И тяжесть снопов на поле,
Которые вы поднимали...
Но ваша любовь не иссохла,
Беда не согнула вас.
Вы были, как дождь благодатный
Земле, сожженной войною,
Вы были источником жизни,
Ее продлевая вновь.
И вы на мои ладони
Ячмень посыпали в детстве.

А зерна — тяжеле злата,
Я знаю, люди, их вес.
Вы песней тоску разгоняли,
А горести гнали смехом,
Но видел я тайные слезы
Порой на ваших глазах.
Вдовы солдат погибших,
Опора сирот голодных,
Бессмертные в материнстве,
Родина — это вы!
Недаром художник иль скульптор
В вас Родины образ видит,
Величье в нем воплощая,
Бессмертье и красоту.
И мы преклоняем колени,
Склоняем головы низко —
Мы все перед вами дети
С младенчества до седины.

СОН

Было больно — ни разу не охнул: «Отец!»
Было страшно — ни разу не крикнул: «Отец!»
Было трудно — ни разу не плакал: «Отец!»
Только знал,
Что есть слово такое — «отец».
А кому бы я сказал, малец,
Это слово?

Что такое случилось сегодня во мне?
Только ночью кричал я сегодня во сне:
«Папа! Папа!»
Был разрушенный город, объятый огнем,
И не знал я, где я,
И не знал, где мой дом.
И уходит на запад последний отряд —
Лишь качанье штыков,
Лишь молчанье солдат.

Я узнал его сразу.
Я бросился в строй,
За шинель ухватился:
«Отец, ты живой?!»
Но отец уходил, молчалив и высок.
Только тихо сказал:
«Опоздал ты, сынок». —
«А когда вы вернетесь?»

Куда вы сейчас?» —
«Опоздал ты. Никто не вернется из нас».

И пошел на закат
Молчаливый отряд,
И дрожала заря
На штыках у солдат,
И горели вдали города, города,
И я понял, что я
Опоздал
Навсегда...
«Папа, папа, постой!» —
Я бежал вслед за ним.
Но шагали бойцы,
Точно тени сквозь дым,
И никто не хотел обернуться назад,
И горел впереди молчаливый закат.

...Что случилось со мною?
Тоска ли моя
Унесла меня вдруг
В те года, в те края,
Что живут, словно тени, в потемках сердец,
Чтобы встретиться где-нибудь
Нам наконец.

Я проснулся.
Как дорог мне сон мой ночной:
Хоть во сне, мой отец, побывал я с тобой.
Карандаш я сжимаю,
Смотрю на листок:
«Опоздал я, отец». —
«Опоздал ты, сынок».

ДЕРЕВЬЯ

Вдоль дорог молодые деревья стеной, —
Здесь когда-то отцы уходили в поход.
Не замена ли им молодой этот строй,
Этот лес, что тридцатое лето растет?

В год победы они были ростом с меня.
Я теперь достаю лишь до первых ветвей.
Ах, погодки, о чем вы листвою звеня,
Над дорогой шумите моей?

Вы как будто спешите тропой полевой
Вдоль колонны идущих дорогой бойцов,
Как когда-то и мы провожали гурьбой
На войну уходящих отцов...

Узнаю вас, друзья, и приветствую вас:
Здравствуй, лес молодой!
Здравствуй, юность моя!
Вы уже точно рота на марше сейчас,
Уходящая рота моя...

Мы подростками были в далекий тот год,
И бежали мы вместе тропинкой одной.
Чья-то юность иною дорогой идет —
Зашумит ли листва над дорогою той?

Вот я вижу ваш строй на тропинке моей —
Не отцы ли вернулись на землю свою?
Осадили гривастых алтайских коней.
Эскадрон к эскадрону застыли в строю.

Нет, отец не погладит вихры мне рукой,
Только веткой береза коснется едва,
И к листве, как к руке, вдруг прижмусь я
щекой —
Ах, как пахнет смолой у березы листва!..

Если вновь протрубит над страной беда
И придется однажды седлать нам коней,
Дорогие деревья, придите сюда,
Над дорогою встаньте моей!

ОГНИ МОСКВЫ

Москва. Гостиница «Москва», пятнадцатый этаж,
Внизу — прекрасный город наш, всеобщий
город наш.

Стоим и смотрим, как над ним взлетают в высоту
Салюта жаркие огни — и гаснут на лету.

О, месяц май, девятый день. Победы нашей день!
Все ордена свои, Москва, ты в честь его надень!

И вот уже из номеров несем припасы мы,
Несем грузинское вино и нельму Колымы.

Ты родом с Балтики седой, а я — с Алтая, друг.
Но за столом у нас сейчас — почти семейный круг.

Москва, для столь различных нас ты —
матери добрей.

Мы пьем за здравие твое под грохот батарей.

И слышит залп сквозь вечный сон в сырой земле
солдат:

«Салют в Москве! Должно быть, вновь какой-то
город взят!»

Огни взлетают в высоту и мнится иногда:
Не гаснут, падая, они, не тают без следа.

Полегло на донской земле.
Как Алтай, дорога она
Эта степь, что ты защищал.
Всюду кровная связь видна —
Древний Кальмус или Каял.
И саперный тот капитан,
Не забыл он еще, Такша,
Как ты воду из Дона пил,
Каску, точно шелом, держа...
Все бывало в дороге, брат.
Ты прошел ее до конца.
Ты пронес в чистоте, солдат,
Званье доблестное бойца.
Презирал ты, вступая в бой,
Смерть, что всюду расставил враг,
Точно мины в траве густой,
Стерегущие каждый шаг.
Древний Кальмус или Каял степной,
Как далек от Алтая ты!
Небо синее над тобой,
В белых-белых цветах сады.
Что ты шепчешь в степной тиши,
Камыша растревожив сон?
Вспоминаешь лицо Такши,
Как к тебе наклонялся он?
Покачнуло лицо волной —
Потный-потный пришел, пыля! —
Терриконы за спиной,
Нашпигованы смертью поля...
Нелегка ты, судьба солдат,
Только помыслы их чисты.
Сколько мин затаилось, брат,
На солдатском твоём пути!
Ты пройдешь через край степной,
Разминируешь все поля,

Чтобы тем, кто пойдет за тобой,
Улыбалась светло земля...
Вот брожу над рекой не спеша —
Это Кальмус или Каял течет?
Были биты враги, Такша!
Солнце ласковое печет,
Надо мною весенний день,
Предо мною вся степь ясна...
Я прошу: ордена надень,
Капитан, надень ордена!

ДОРОГА

Все ждали, что вот придет к нам счастье
По этой пыльной, выбитой дороге,
Все думали, что вновь услышим топот
Коней по серой, выжженной дороге,
Все верили: вот скоро к нам вернется
Отец, что на войну ушел когда-то
По этой длинной, как тесьма, дороге...

Все ждали: вот вернется, удивится,
Как без него ребята подросли!
Начнет воспоминаньями делиться —
Как воевал за честь родной земли.

Свои награды с гордостью покажет,
Широкоплечий, рослый и прямой.
Пусть раненым, пусть одируким даже —
Лишь только б он вернулся к нам, домой!

Лишь только б мог ладонью, чуть шершавой,
Погладить нас: — Ну, как дела, сыны? —
И улыбнуться добро и лукаво,
И песню спеть, как пел нам до войны!

Но ждали мы, как многие, напрасно.
Наверно, там, за синими хребтами,
Вдали от нас, затих навеки топот

Коней по серой, выжженной дороге,
И на Алтай, в наш маленький поселок,
Лишь несколько вернулось инвалидов
Домой — по длинной, выбитой дороге...

Мы в День Победы пели и смеялись,
И плакали — кто сможет нас винить?
Печаль и радость в этот день смешались,
И как нам было их разъединить?..

Случалось, пыль дорожная вставала,
Надежда в сердце вспыхивала вмиг,
Но все напрасно. Лишь зайдет, бывало,
Прохожий — запоздалый фронтовик.

Смотревший смерти в черные глазницы,
Шагавший в бой под грохот батарей,
Сейчас, казалось, глянуть он боится
В сухие очи вдов и матерей.

Он вспоминал в кругу сельчан широком
Всех, с кем делил солдатский долгий путь,
И ждали мы: вдруг вспомнит ненароком
Из наших, из родных кого-нибудь?

О, как хотелось верить нам в такое!..
Спускался вечер. Воин умолкал —
И тихо уцелевшею рукою
«За тех, кто пали...» поднимал бокал.

Все ждали мы, что вот придет к нам счастье
По этой серой выжженной дороге.
Все думали, что вот услышим топот
Коней по пыльной выбитой дороге..

Так пусть вовеки не узнают люди
Тревожных, безнадежных ожиданий:
Пусть не глядят с печалью на дорогу,
Их скромный Дом связующую с Миром,
Пусть в каждый дом приходит только счастье
По светлой, ясной, солнечной дороге!..

РУЖЬЕ

Ружье кремневое, о чем
Молчишь ты, старина?
За чьим качалось ты плечом,
Где было до меня?
Ты пережило столько лет,
Кто мастер тульский твой?
Давно уж стерт узорный след
Руки его живой.
Как ты попало к нам?
Купец
Привез в суме своей,
Отдав кому-то, наконец,
За черных соболей?
Казак ли выронил лихой,
Сраженный здесь стрелком?
Рассказывают, прадед мой
Владел таким ружьем.
Наследник деда и отца,
Тебя ли я обрел?
В стволе таится дух свинца,
Хоть ржа пятнает ствол,
Свидетель пугачевских лав,
Все грозен ты, старик.
Стою, приклад к плечу прижав,
Щекой к тебе приник.
Вон красной меди огонек —

Прицел. И темь вокруг.
«Ну, хорошо ль ружье, сынок?» —
Отцовский голос вдруг.
Глухой, далекий, он как гром
Раздался надо мной,
И щеки вспыхнули огнем,
И встал меж мною и ружьем
Отец погибший мой.
Когда отец тебя держал,
Ружье, блестело ты.
Не раз твой гром в горах снимал
Марала с высоты.
Он не пришел с войны домой.
Уж тридцать лет тому.
И не прижмется он щекой
К прикладу твоему.
Что до меня, я не стрелок,
С пером дружна рука.
Пусть живет марал, дружок,
Ты отдохни пока.
Приклад поглажу я порой,
И станет мне светло,
Как будто чувствую рукой
Отцовское тепло...

Здесь умирали воины за нас —
Лицом к врагу, без стопа и без крика.
Я бережно несу букет гвоздики —
Здесь кровь их незабвенно пролилась.

Над горестной гранитною плитой
Сердца отцов горят звездой красной,
Огонь судьбы отчаянной и страстной
Трепетает на ветру передо мной...

И я родной земли не дам в обиду,
А если вдруг военная гроза,
В атаку я правофланговым выйду,
И смерть в испуге отведет глаза.

А если я погибну — кровь моя
Пробьется к солнцу красной гвоздикой.
И на мигу в мире станет тихо:
Охватит мертвых трепет бытия!

Не зря любая пядь земли родимой
Для нас всегда священна и жива.
Нет, не пройти любого камня мимо!
Здесь жизнь боролась за свои права.

Любой бугор, любой кусок гранита
Цветов достоин. И ошибки нет.
Идут года — герои не забыты:
В сердцах живых их негасимый свет!

И пусть всегда к подножьям обелисков,
Склоняются прекрасные цветы,
Когда весна — полна тепла и риска —
Приходит из морозной темноты.

Цветы под стать солдатам и героям,
И пусть не помним их по именам,
Но каждую весну, как перед боем,
Они из вечности приходят к нам.

И над гранитом красная звезда
И вечного огня сердцебенье,
И мое сердце свято, навсегда
Связует времена и поколенья...

ДУМА НА СТАРОМ ПЛАЦУ

Наш плац — в лесу. Площадка, а за нею
Почти до неба сосен строй живой,
И мы стоим, как сосны, зеленея,
В своей солдатской форме полевой.

Седой полковник, ветеран разведки
Приказ читает нашему полку...
Но вновь и вновь его с лохматой ветки
Перебивает мирное: «Ку-ку!»

Полковник строг. Им век нелегкий прожит.
Немало битв он видел на веку.
Но даже он улыбку скрыть не может
В ответ на это нежное «ку-ку».

Смущено улыбается и снова
Глядит на нас, как прежде, строгим став...
И, право, нет здесь ничего такого,
Что нарушало б воинский устав!

Вот мы стоим, плечом к плечу — солдаты,
Вот я стою, а вот — мой лучший друг...
Вполнеба светит зарево заката,
И строем сосны замерли вокруг.

И кажется: уже не сосны это —
Нет: отшагав немалые концы,
Пришли с войны, в защитное одеты,
Взглянуть на смену войны-отцы.

Они глядят, их взгляд и прям и весок,
И слышен сердцу говор их живой,
И мы стоим, как молодой подлесок
В своей солдатской форме полевой.

Что ж, — скажем мы, — настали наши годы,
И мы клянемся вашему полку,
Что сбережем и пашни, и заводы,
И шум ветвей, и тихое «ку-ку».

Пусть век шагает, дали открывая,
Пусть солнце льет на землю щедрый свет.
И пусть кукушка наша полевая
Нам накукует — всем! — по сотне лет!

В СТРОЮ СТАРЫЕ СОЛДАТЫ

Старые солдаты
По улице шагают —
Скромные, усталые...
Молчалив их строй.
Медали боевые
Солнечно сверкают,
Знамена легендарные
Шумят над головой.

Мертвые солдаты
Сквозь молодые травы
Незримо поднимаются...
Шаги их не слышны...
Встают под то же знамя
Победной славы —
Под знамя, опаленное
Пожарами войны!

Имя, фамилия...
Имя, фамилия... —
Слышу перекличку
Мертвых и живых.
Батальон, рота...
Звено, эскадрилья...
Вижу эти лица
В дымах пороховых!

Быть может, это сердце
Мое гудит набатом?
Иль там шаги грохочут,
Иль горны поют?..
Идут отцы и братья —
Старые солдаты —
Живые и убитые
К бессмертию идут!

...Праздник Дня Победы —
Великий праздник мая, —
Рухнули призраки,
Отступила смерть!
Как ликовала радостно
Страна моя родная!
Как глубоко вздохнула
Земная твердь!

Огромные вокзалы,
Малые анлы,
Городские площади... —
Везде медалей звон.
Весенней первой зелени
Напористая сила —
Зеленые пилотки,
Зеленый эшелон...

Идут солдаты старые —
Воины бывалые.
Их поименно знает
Великая страна.
Ссутулились их плечи,
Груды стали впалыми —
Торжественно покоятся
На них ордена.

СТРОКИ
НА ЛИСТЬЯХ

ДРУГУ

Друг, тают вновь снега, и я с весною
Всю жизнь мою припоминаю вновь,
Припоминаю детство озорное,
И первый стих, и первую любовь!

Все, что забыто и полузабыто,
Оживлено дыханием весны,
И двери, что давным-давно забыты,
Сегодня широко растворены.

И трепетом душа моя объята:
Неужто наши думы и труды
Когда-нибудь растают без возврата,
Как пылче наши зимние следы?

Нет, все-таки мы прожили недаром:
Под солнцем лета и в снегах зимы
Назло любим подножкам и ударам
В людское братство веровали мы!

Трудились мы с тобой не ради славы,
И с нами — все товарищи-друзья,
А в чем мы были правы, в чем не правы —
Нам только Жизнь воистину судья.

Холодный ветер дул с жестокой силой,
Не обошлось без горестных потерь:
Был с нами третий — над его могилой
Уж не одна отплакала метель.

И все ж не зря мы пройденным гордимся,
И все же нам в отставку не пора:
Как прежде, друг мой, мы еще годимся
В шеренгу храбрых рыцарей Добра!

Пусть не всегда над нами небо ясно,
Но жизнь нам не наскучила пока.
Мы повторяем, что она прекрасна —
Деревья, горы, солнце, облака!

И вольные над миром птичьи стаи,
И звуки песни древней и родной,
И нежная, сердечная, простая
Улыбка милой женщины одной.

О сердце, сердце, что с тобою стало,
Комочек мышц величиной с кулак?
Когда-то навсегда очаровалось —
И не разочаруешься никак!

В СЕРДЦЕ МОЕМ

Что там, в сердце моем,
В тесной клетке грудной?
Тишина или гром?
Сумрак? Свет неземной?
Дикой бури вытье —
Или нежность и гладь?
Это дело мое.
Вам об этом не знать.
Подождите, друзья,
Отойдите, друзья:
Эта радость — моя,
Эта мука — моя.
И себе в этот срок
Только я, только я —
И профком, и пророк,
И верховный судья!

Я живу, я люблю —
И любовью богат.
Вот, встречая, ловлю
Милой женщины взгляд.
Вот в глаза ей смотрю —
В черноту, в глубину —
И тону, и горю,
И горю, и тону!

Но не выдам себя,
Ни сегодня, ни впредь:
Буду, втайне любя,
Так спокойно смотреть.

Пусть болит неспроста
Сердце, сжавшись в комок, —
Замыкаю уста
На тяжелый замок.
Эту радость мою,
Эту муку мою
Я в себе затаю,
Я не вы-бол-та-ю!
Крепко-крепко зажму,
Зауздаю уздой —
Никогда, никому
Пусть не станет бедой!

Но пока мы живем —
Тот огонь не гашу:
Тайно в сердце своем
Я его прошу.
Чтобы где-то опять
Он обычным словам
Смог значенье придать,
Непонятное вам.
Чтобы вспыхнул не раз,
Промелькнул в глубине
Наших душ, наших глаз,
На таинственном дне.
Пусть не гаснет огонь —
Чтобы острый, как ток,
Из ладони в ладонь
Он при встрече протек.
Не взыщите, друзья,

Помолчите, друзья:
Эта радость — моя,
Эта мука — моя.
Не вторгайтесь, спеша,
Мил я вам иль не мил —
Ведь любая душа —
Это мир! Целый мир!

ПРИДЕТ ВЕСНА...

Придет весна, печаль мою развеет,
Взломает в реках почерневший лед,
И молодой рассвет зарозовеет,
И солнце новой радости взойдет.

Цветами вновь покроется опушка,
Где нынче снег томительно кружит.
И сядет на плечо мое кукушка
И много-много лет наворожит.

И дали ей откликнутся и, вторя,
Порадуются, чуткие, со мной,
И эта радость пересилит горе,
И станет вновь светлей весь мир земной.

У самой тропки встанут эдельвейсы...
И я прошу меня не осудить,
Что не спешу в космические рейсы:
Мне по земле охота побродить.

Бродить в горах задумчивых и вечных,
Касаясь трав и молодых ветвей
И прозревая в добрых людях встречных
Живую душу Родины своей, —

Вот в это счастье сердце крепко верит.
И пусть пока на реках толстый лед —
Придет весна, печаль мою согреет,
И солнце новой радости взойдет!

Годы, годы мои,
Вы как клин журавлей
Над судьбою моей,
Над землею моей.
То вас кутает ночь,
То вас солнце слепит,
Только клин журавлиный
Летит и летит.
Год пройдет —
Клин растет.
То не год, то не год —
Журавленок под осень
К нему пристаёт.
И летит,
И трубит
В свой серебряный рог...
Не последний ли год?
Не последний ли срок?
Где-то вскинется он
Молодым журавлем,
Кромку солнца задев
Неокрепшим крылом,
И исчезнет во тьме
Навсегда, навсегда,
Чтоб в последний порядок
Сомкнулись года...

Вон уж листья с берез
Устилают поля.
Словно кружатся перья
Того журавля...

КОРОЛЕВА

На Алтае, в краю суровом
И прекрасном, среди озер,
Ты живешь во дворце кедровом —
Строен стан твой и нежен взор.

Головами цветы качают,
Разговор меж ними идет:
«Королева наша скушает!
Королева кого-то ждет!»

Я взбирался на перевалы,
Торопил гнедого коня,
Но дорога моя петляла
И обманывала меня.

На Алтае, в краю суровом
И прекрасном, как вешний свет,
Ты живешь во дворце кедровом —
Та же самая или нет?

Ты проходишь по тропкам, скользким
От пролившегося дождя,
В том же возрасте комсомольском,
Ветки влажные отводя.

И глядят на тебя влюбленно
Чабаны — молодой народ...
Королева, определенно,
Ты все та же, да я не тот.

Годы шли, да притом — не мимо,
Обернулось время бедой:
Безнадежно, непоправимо
Опоздал я, рыцарь седой..

НАША ЛОДКА

Цветок с рассветом тихо раскрывался,
И чашечка была полна росы,
А я тобой и миром любовался —
И забывался,
Позабывая глянуть на часы.

Была сама ты на цветок похожа —
Банальное сравненье, извини!
Как розовела матовая кожа!
И тоже, тоже
Ты расцвела, раскрылась в эти дни.

Не зря то утро в памяти осталось —
Его переживая вновь и вновь:
Легко ты шла, земли едва касалась,
И, мне казалось,
Не думала, что в мире есть любовь.

У берега покачивалась лодка.
«Садись, поедем!» — вдруг я произнес.
И ты сошла доверчиво и кротко.
Я помню четко
Твои глаза, улыбку, прядь волос...

Несло течение нас по речке чистой,
Я кое-как еще умел грести,

Молчал об этом, как мужчина истый,
Но каменистый
Порог, шумя, возникнул на пути!

Ты вскрикнула и вся ко мне прижалась
И от меня отпрянула не вдруг,
И в этот миг душа с душой сближалась
Любовь рождалась —
Помог ей твой божественный испуг.

Я налегал на весла. Нас крепило.
Но вот и берег. Минула беда.
Но что-то нас уже соединило,
Объединило
Какой-то общей тайной навсегда.

Не оплошал за веслами тогда я,
Но... лодка жизни, лодочка любви,
Как с веслами твоими совладаю?
Не угадаю!
И все-таки — плыви, плыви, плыви...

Кружилась земля сто лет,
Закат зажигал рассвет,
Прощально лились слова,
Потом и пропал их след.
Шло солнце над головой,
Как огненный диск золотой,
И странно светились глаза,
Извечной полны тоской.
Цветов огневой прибой
Предгорье объял собой,
И чьи-то лодыжки там,
Над красной его волной.
А след наших ног босой
Укрыла трава росой.
Звезда отвела глаза
От нашей травы ночной.
Качался Алтай золотой,
Как тот караван степной, —
Бредет за горой гора,
Отправившись в путь дневной.
И люди опять толпой
Зеленой идут тропой,
И, вторя словам любви,
Березы шумят листвою.
Ресницы блестят росой,
И весело нам с тобой,

Одна, быть может, верная жена
С тревогой поглядит — но дело свято:
Напрасно беспокоится она —
Я не виновен, ты не виновата.

Ты честно убегала от любви
И от себя, и от меня в придачу.
Спокойно, с чистой совестью живи,
Не плачь о нас. Ты видишь, я не плачу.

Лишь теплым тихим вечером порой,
А может быть, и в непогодь сырую
К седой сосне с морщинистой корой
Щекой прижмусь — и вместе погорюю.

О чем? Не знаю. Я и сам себе
Иной судьбы на свете не желаю,
Но все твои слова — в моей судьбе,
И я тебя за них благословляю...

Вот и стол мой накрыл я как мог,
Вот хрустальные кубки воздвиг.
Только свет над столом не зажег —
Мне светло от очей твоих.
Смотрит в окна луна не таясь.
Зажигает безмолвный хрусталь.
Ах, о чем мы молчали в тот час?
Ах, в какую умчались мы дали!
Сколько счастья таил твой взгляд —
Нам хватило б на сотню лет.
Но ничто не вернешь назад —
Ближе нет нас и дальше нет...
Я смотрю на очаг ночной —
Как мне грустно и как светло!
Я, наверно, колдун душой —
Вижу все будто сквозь стекло.
Поднимаешь ты кубок свой
И в глаза мне глядишь притом.
Как нашла ты мой дом лесной?
Ты мне кажешься странным сном.
Не искатель шальных побед,
Нелюбимым я быть привык
И не ждал, что твой легкий след —
На крыльцо мое, напрямик...
Не померкла краса твоя,
Но не жжет уж меня давно.

Пьем вино с тобой — ты и я,
Торжества твоего вино.
Как и прежде, накрыт мой стол,
Скатерть снежная, кубков свет,
Но никто из друзей не пришел,
Торжества в моем доме нет.
Вечер, в печке трещат дрова,
Весь и свет, что в глазах твоих.
Не нашел я тогда слова,
А теперь уж не надо их!
Ах, как лунно мое окно —
Вон в бокал улеглась луна!
Даже жалко мне пить вино —
Пусть посветит еще она.
Точно сон мы — и я, и ты.
Берег юности в двух шагах,
Но давно сожжены мосты,
И молчу я, лишь даль в глазах.

СЧАСТЛИВА ЛИ ТЫ?

Все мы бредили тобой,
Женя Алтынай.
Больше всех — товарищ мой,
Женя Алтынай.
Как мы, скрыв свою беду,
Гордо шли порой,
Потешаясь на ходу
Над его бедой!
Как страдала ты подчас,
Женя Алтынай!
Он твоих не видел глаз,
Женя Алтынай.
И ласкал нас август всех
Солнечным лучом,
И сверкал твой звонкий смех
Золотым дождем.
Мы купались день-деньской
В голубой реке,
Мы валялись над рекой
В золотом песке...
Где теперь твой звонкий смех,
Где теперь твой край?
Над рекою нашей снег,
Женя Алтынай.
Не сойтись на бережок,
Как нас ни скликай.

Где твой милый говорок,
Женя Алтынай?
Поезд юности ушел,
Потерялся след.
Ах, как пелось хорошо
Из окна — в рассвет!
Только вот товарищ мой —
Ревновал он все ж...
Да простит он нас с тобой,
Годы не вернешь.
Третья полка, нос к стене,
Как упрек живой...
Как все будет — знать бы мне,
Знать бы нам с тобой!
Где там дружба, где любовь —
Только гул моста.
Мы смеемся вновь и вновь,
Жизнь, как песнь, чиста!
Почему-то вспомнил вот
Этот день былой.
Сколько лет во мне живет
Милый голос твой...
Где же ты, в каком краю,
Женя Алтынай?
Где любовь нашла свою,
Женя Алтынай?
Не ревнуют больше нас,
Не таят обид...
Как в тот давний-давний час
Пусть твой смех звенит.

ЖИЗНЬ

Друг, не печалься, как в осень березы,
Ветром оборванные до листка!
Даже в страдании, даже сквозь слезы
Радуйся жизни — ведь жизнь коротка.

Это не радость великая разве —
В жизнь окунуться, в могучий поток?
Если цветок возникает над грязью,
Будем смотреть не на грязь — на цветок.

Птицы домой возвращаются с юга —
Будем горды после долгой зимы
Тем, что к вращению вечного круга
С птицами вместе причастны и мы.

Жизнь коротка — но про это не станем
С видом унылым твердить без конца:
Птицу по имени Радость заманим
В наши открытые свету сердца.

Разве бессмертия мы не вкусили,
Если в обычной жизни людской
В прошлом и в будущем мыслью гостили,
Солица коснулись бесстрашной рукой?

Солнце сияет. Жемчужины млечны,
В дальние дали плывут облака.
Радуйся жизни — ведь жизнь бесконечна.
Кто говорил, что она коротка?

МОИ ЖУРАВЛИ

Журавли вы мои, журавли,
Что не слышу я в небе ваш клик?
Столько раз мне казалось с земли —
Точно бусы на нити, ваш клин.
Вы летели, трубя о весне,
Будто солнце на крыльях несли.
Ваши танцы — сравнить ли их мне
С чем-нибудь, что я знал, журавли?
Даже горы взгрустнули без вас,
Смотрят в небо озера в тоске —
Не летите ли где-то сейчас,
Не видать ли уже вдалеке?
Журавли вы мои, журавли,
Вы вернетесь в родные места.
Вы другой не найдете земли,
Где бы песня была так чиста.
Где еще вам растить журавлят?
Где летать и курлыкать легко?
Здесь и наших мы нянчим ребят,
И они улетят далеко.
Но тоска их обратно вернет!
Впрочем, кто-то и бросит Алтай.
Даже счастье, быть может, найдет
И полюбит неведомый край.
Что ж, до срока тоска не грызет
И не трогает сердце печаль.

Но когда-то Алтай позовет,
Ах, как родины будет им жаль!
Этой речки воды снеговой
Вдруг захочется выпить, как спеть...
Мы-то точно вернемся домой,
Как бы нам далеко ни лететь!
Слезы рядом живут с сединой.
Затоскуем о доме своем,
И вернемся на берег родной,
И архи¹ по бокалу нальем.
И на говор родимой земли
Отзовется вдруг сердце струной,
И заплачем, как те журавли,
Что домой прилетели весной.

¹ Архи — молочное вино.

ВЫСОКАЯ ЗЕМЛЯ

Кругом цветы небесной синевы
Стояли в рост среди ночной травы
И домики свои не запирали —
Так светел был в ту ночь земной простор!
Склонялись мы к живой воде озер
И звездный блеск в ладони собирали.

Садилась в лодку. Плыли при луне
По лунной, словно бронзовой, волне.
О, пусть же эта ночь продлится доле!
Была ты, словно пихточка, стройна,
Входила этой ночи глубина
В глаза твои, любимые до боли.

Там не слышны, в горах, гудки машин...
Там я руками трогал снег вершин —
Он в чутких водах четко отражался.
«Твой нежный локон, черный, точно смоль,
Мне приласкать, любимая, позволь!» —
Хотел сказать я вслух — и не решался.

Тебя во сне поныне вижу я,
Застенчивая девочка моя,
На том высоком горном перевале,
Где свет струился дымно-голубой,

Где эдельвейсы, схожие с тобой,
Прекрасные и чистые вставали.

Не слышали мы, как часы спешат,
Но слышали, как облака шуршат,
У нас над головами пролетая!
Прекрасна жизнь, в которой есть цветы,
Прекрасен мир, где существуешь ты.
О, дорогая девочка Алтая!

Могуч Алтай — высокая земля!
Людским сердцам большими быть веля,
Он к мелкоте презрения не прячет!
Ты помнишь перевал в тот лунный час?
Там помнят кедры вечные о нас.
А это, друг мой, что-нибудь да значит...

Среди заманчивых реклам
В ночи на улице пустынной
Мне захотелось к чабанам,
Вдохнуть отеческого дыма.

И я решился. Жгло виски.
Я так дорогою извелся.
Но над горой горели звезды
В два раза больше городских!

КОЛДОВСКОЕ ДЕРЕВО

Слышал я: в таежной дальней чаще,
Где безглазый сумрак распростерт,
В той глуши, таинственно молчащей,
Колдовское дерево растет.
Кто с него хоть веточку срубает,
Власть берет над счастьем и судьбой:
Пожелай — красавица любая
Вслед пойдет покорно за тобой.
Только знай, за счастьем в путь пустившись:
С каждой веткой, падающей в снег,
Умирает, за сердце схватившись,
Где-то в мире добрый человек...
Я живу, не ведая покоя,
Долго, трудно, трепетно люблю,
Но коль встречу дерево такое —
Ни сучка, ни ветки не срублю.
Чем любви такой ценой добиться,
Счастье взять с проклятьем пополам,
Лучше в бурю стать бездомной птицей,
Диким зверем рыскать по горам.
Буду —

 пусть! —

 страдать еще сильнее,
От тоски, как пес, околевать,
Иль умру — или тебя сумею
Сам, без колдовства, околдовать!

Белой вьюгой, снегом опустимся
И в морозной колющей пыли
На санях стремительных помчимся
Далеко, на самый край земли.

Мы сердца метелью не остудим,
Сладкой пренесполнившись тоской,
Мирные дела свои забудем,
Позабудем строгий суд людской.

Ветер запоет, изнемогая,
То нежногос, то басовит.
Мы помчимся вместе, дорогая,
И никто нас не благословит.

Что нам кров, где дух тепла витает,
Где все вещи на своих местах,
Если нежные снежинки тают
На твоих бровях и на устах?

Что нам суд, суровый, неизбежный,
Если на изгиб моей руки
Нынче запрокинут лик твой нежный,
И в глазах мерцают огоньки?

Далеко за многими хребтами
На холме синеоконный дом
Может быть, возникнет перед нами,
Но в него мы тоже не войдем.

Нас такие помыслы не грели,
Мы не ищем теплого угла —
Все мосты за нами погорели,
И зима их угли замела.

Пусть метель кружится в долгой пляске,
И полозья бешено поют —
Нам с тобой, наверно, только в сказке,
Только в песне сыщется приют!

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Вот лебеди мои, свершив прощальный круг,
Торопятся домой, торопятся на юг.
И долго-долго вдаль, на улетевших птиц
Глядят глаза озер сквозь тростники ресниц.
И сердце сжалось вдруг, как будто вдруг оно,
Как озеро в горах, оставлено одно.
И стало на душе, как в мрачный день в лесу,
Когда сбивает дождь прозрачную росу,
Но как лебяжий пух, наверно, мне назло
Кружится белый снег, и все вокруг светло.
И горы высоки, и бел их крыльев лед,
Да только нелегко подняться им в полет.
Бела моя тропа, и даль вокруг ясна,
Но милая весна — вернется ли она?
И все же я иду, не устаю идти,
Как будто кто-то ждет меня в конце пути.
Чтоб грусть мою делить, чтоб птиц моих вернуть,
Но... снег у ног моих ложится отдохнуть.
Лишь долго-долго вдаль глядят глаза озер:
Вдруг лебеди мои вернутся из-за гор...

ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

Лежал корабль на дне залива где-то,
У берегов тропической земли.
Над ним порой, как темные планеты,
Живые проплывали корабли.

Но грянул шторм, какого не бывало:
Безумствуя, средь жуткой темноты,
Он создавал мгновенные провалы
И с белыми вершинами хребты.

Он тайные глубины растревожил,
Он взбаламутил илистое дно,
И весь в ракушках, водорослях ожил
Корабль-мертвец, потопленный давно.

И всплыл, качаясь, сумрачное диво,
И, неподвластен никаким рулям,
По воле воли метался по заливу,
Грозя живым собратьям-кораблям.

Красавцев белых ранили жестоко
Измученные ржавчиной борта...
Не так ли спит в иной душе до срока
Убитая, забытая мечта?

Ушла электричка.
Один я остался.
Один на пустынной платформе стоял.
Я думал о той, с кем когда-то расстался,
Кого навсегда я в ту ночь потерял.
И в грохоте встречных,
В призывах попутных
Шарахалась ночь, и дрожала земля.
И тем, кто в вагонах качался уютных
В холодной ночи, —
Как завидовал я!

Экспресс за экспрессом.
Я в рельсовом гуле
Сижу у окна и уснуть не могу.
Вдруг что-то знакомое там промелькнуло!
Я вспомнил пустую платформу в снегу.
И мне показалось, на том полустанке
Стоит в ожидании кто-то опять.
А вдруг это я?
Это я там остался
Один на пустынной платформе стоять!
А скорый все мчится. В окне проплывают
Далеких, забытых надежд миражи.
Колеса стучат, будто годы считают.
И без остановок проносится жизнь...

ЧЕРЕМУХА

С той далекой поры пролетели года,
Но, как прежде смущая солидных знакомых,
Я теряюсь всегда и пьянею всегда
От весеннего запаха белых черемух.

Как мне быть? Вот встают они снова стеной,
Обступают кругом, раскрывают объятия...
Черт возьми, не смеешься ли ты надо мной,
Чудо-деревце в белом, как девушка, платье?

Только я не обижусь. Я сам виноват.
Был я молод и глуп. И по этой причине
Не ценил удивительный твой аромат,
Полагая, что так подобает мужчине.

Горделивые в сердце лелеял мечты,
Шел я в жизнь — и однажды, нахмурясь сурово,
Черноглазой красавице в белом, как ты,
Не сказал на тропинке заветного слова.

А ведь что-то бродило, кипело во мне,
Но, себя самого понимать не умея,
Я назло становился черствее вдвойне —
Мол, девчонка! О чем разговаривать с нею!

Я в глаза не глядел ей, суровость храня, —
Что мне, сильному, чувства ее и тревоги!
Мне казалось: любовь ожидает меня,
Как награда в конце очень длинной дороги.

Я ушел в ожидании будущих слав,
Но не спал почему-то в ту ночь до рассвета...
Лишь потом, и взрослей, и серьезнее став,
Понял вдруг, что ошибка допущена где-то.

Я в тот вечер подальше задвинул дела.
По забытым приметам, неловкий, несмелый,
Шел я долго — и память меня привела
На лесную тропинку, к черемухе белой.

Как же быть мне теперь, посоветуйте мне!
Видно, ждать и, смущая солидных знакомых,
Каждый год, как мальчишке, пьянеть по весне
От бессмертного запаха белых черемух...

АЛМА-АТИНСКИЕ НОЧИ

В немую сию небес
Алма-атинской ночи
Слова твои умчал
Полночный ветер вмиг.
Как две живых звезды
Мерцают влажно очи,
И — что там в темноте? —
Фонтан, ручей, родник...
Шуми, ночной фонтан,
И небеса, — светите!
Мне слышится в ночи
Созвездий легкий звон —
Так каблучки стучат
Твои, о Нефертити,
И волосы твои
Превыше всех корон.

Усмешку, радость, грусть
Укрыли, затаили —
Я жду, когда взойдет
Прекрасный, милый взор,
Ресниц твоих густых
Неслышимые крылья
Взлетят легко, и вновь
Безмолвный разговор
Продлится. Сень ветвей

Невидимого клена,
И — тихий — наших лиц
Невидимый огонь...
Ты слышишь: жизнь идет —
Огромно и бессонно,
И эта ночь тепла,
Как вечности ладонь.

О чем твои сады
Полночные бормочут,
О чем толкует клен,
О чем звенит звезда?
Быть может, это песнь
Алма-атинской ночи
О том, что ты уйдешь
Сегодня навсегда...
Последней ночи песнь!
Прощальный плеск фонтана.
Стук легких каблучков.
Прощальный шелест слов...
Уходишь в сердце ты —
Неведома, желанна,
Отныне ты — звезда
Моих усталых снов...

СТРОКИ НА ЛИСТЬЯХ

Все идут, все идут золотые дожди листопада,
Жесткий лист, пролетая, меня задевает ребром,
И тропинка, где шли мы, весне зеленеющей рады,
Ныне скрыта под желтым и толстым осенним ковром.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
И осенние листья шуршат под ногами, сухи,
Как листы золотой, ненароком разрозненной книги,
На которых написаны лучшие в мире стихи.

Кто писал их? Наверное, ливни, рассветы,
закаты,
Быстролетные ветры и звездный мерцающий свет.
И слова о любви, что звучали вот здесь же
когда-то,
Как на тонких пластинках, свой тоже оставили
след.

Я иду в тишине одиноко по белому свету,
Листья кружатся медленно, просятся в руки: лови!
Кто прочтет, расшифрует прекрасную тайнопись эту?
Кто звучанье вернет отзвучавшим словам о любви?

Ты шептала мне их поздним вечером в этой аллее,
И, как листья сегодня, звучали они в тишине.
Я здесь нынче один. Я о прошлом, ушедшем жалею,
О небывшем, несбывшемся — горько жалею вдвойне.

Встали горы вдали в серебре, в одеянии чудном,
Там — метели, зима. Скоро явится, значит,
и к нам.

Навсегда, навсегда затерялась ты в городе людном.
Никогда, никогда не вернуться былым временам.

Я иду по аллее, а листья на землю ложатся,
Различаю на них очертания строчек и строф,
Как неясные знаки исчезнувших цивилизаций
Или, может быть, как позывные далеких миров.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
К благодатному югу осенние птицы спешат,
И листы золотой, ненароком разрозненной книги
Под ногами шуршат. Под ногами шуршат и шуршат...

ОСЕНЬ В ГОРАХ

И зачем я брожу
По туманным горам?
Мои думы ношу
К голубым облакам?

Или где-то на круче
Ищу, одиночек,
Возле кедров могучих
Волшебный цветок?

Он лишь в сказках да в снах...
Просто лист золотой
Осыпает в горах
Березняк молодой.

Просто белый туман
Лег в низине седой,
Журавлей караван
Потянулся домой.

С гор спустились стада
В край туманных долин.
Остаюсь я один,
Остаюсь я один.

А в ушах вековая
Звенит тишина,
Лишь речонка шальная
Щебечет одна,

Как лесная синица:
— Куда ты? Куда?
Будто в ней и таится
Живая вода...

Осень. Ясности время.
Даль тиха и светла.
Горы медные дремлют,
Будто колокола.

Ни снегов, ни тумана,
Лишь бронза осин.
Только дрогнет вдруг странно
Стеклянная синь.

Будто гуд разольется,
Прозрачен и чист,
И к плечу прикоснется
Сорвавшийся лист.

Словно дрогнула где-то,
Лишь сердцу слышна,
Уходящего лета
Тугая струна...

Снова парни седлают коней —
Стремена говорят над рекой.
Шапки с шелковой кистью надев,
Нарядились девчата на той¹.

Что за звонкая в речке вода —
Даже горы примолкли вдали.
Будто девушки где-то поют
За далекою гранью земли.

Только где-то смеются они,
Белозубые девушки гор,
И дробится, как эхо, вокруг
Их веселый ночной разговор.

О, Алтай ты мой, древний Алтай,
Быстроноги твои скакуны —
Будто крылья у них за спиной,
Будто гривы их ветра полны.

¹ Той — праздник.

ЗМЕИНАЯ РЕЧКА

То ли просто извилисто русло ручья,
Будто тропку ему проложила змея,
То ли камушков донных узор золотой,
Как зменная кожа, блестит под водой,
Только как ни взглядишься в мерцанье ручья —
Где-то нежится, вьется, танцует змея!
...Он давно уже в трубы, ручей, заключен —
В белых ваннах дымится целебный радон,
И курортницы едут сюда чередой
Кто с недугом каким, кто с тоской, кто с бедой.
Этой речки таинственный теплый исток —
Сколько лет он в веках, как преданье, тек,
То в туман одеваясь холодной зимой,
То на солнце зменной блестя чешуей?
Говорят, что когда-то в былые года
Дочка хана пришла искупаться сюда,
И, коснувшись ногой обнаженную дна,
В золотую змею превратилась она.
С той поры по зову полночной звезды
Поднимается ханская дочь из воды
И, зменную кожу смывая волной,
Одинокó выходит на берег ночной.
И далекие горы сняют вокруг,
Красотой неземной ослепленные вдруг.
И до самого света, тиха и грустна,
Песня дочери ханской над речкой слышна...

И уносят под крыльями лето,
И на крыльях несут холода.
Бесконечные снежные горы.
И без отдыха гуси летят.
И мерцают костры, как озера.
Золотые озера манят.
И усталые гуси садятся,
Погибают,
Сгорают в огне...
Так случилось и мне заблуждаться,
И беда приходила ко мне.
Эти беды я забываю
На пути многотрудном моем.
И не крылья в огонь я роняю —
Занимается сердце огнем.
Потому и близки мне и милы
Эти гуси над краем моим.
Соберите последние силы!
Мы еще долетим, долетим!
И когда над горами Алтая
Так печально звенят голоса,
Обо всем я тогда забываю
И твои вспоминаю глаза.
Как я верил горящему взору
Милых глаз! Как любил и страдал!
Но мерцали глаза, как озера.
Я в огне этих глаз погибал...

Ты глядишь на меня,
как луна с высоты.
Как луна в облаках
переменчива ты!
То в глазах твоих мед,
то — и горечь и лед,
То внезапная молния
острым жалом сверкнет.
О тебе помышляя,
и томясь, и любя,
Я трехликой Гекате
уподобил тебя.
И брожу, и твержу
среди ночной тишины:
— Ты — Геката, богиня
колдовства и луны!
Ты — и радость моя,
ты — и горе мое,
Ты — луна для меня,
а я — море твое.
Если косо посмотришь —
мрачнеет волна,
И от берега тяжко
отхлынет она.
Потемнеет, отступит,
камни дна оголив.

Люди выйдут на берег,
люди скажут: «Отлив».
А когда улыбнешься,
вновь становится мила
Весь прибрежный, знакомый,
примелькавшийся мир.
И волна, возвращаясь,
мчит резвей и резвей,
На бегу обнимая,
словно старых друзей,
Скалы, пристани, сван,
маяки, валуны...
Вот что значит улыбка
благосклонной луны!
Ты — и радость моя,
ты — и горе мое,
Ты луна для меня,
а я — море твое,
О тебе помышляя,
и томясь и любя,
Я трехликой Гекате
уподобил тебя!

ПОЭМЫ

ДВЕРИ

Поэма

I.

Вот и снова я вижу знакомую дверь,
Вот я голову молча склоняю на миг —
В эту низкую дверь, в этот старенький дом
С детских лет заходить я без стука привык.

Ну так здравствуй, родная, старушка моя!
Вот опять я вернулся в родные края,
Вот опять я за медную ручку берусь,
Будто за руку с другом здороваюсь я.

Открывал я на свете немало дверей,
Был я солнцем заласкан и ветром сечен,
Но нигде не склонял я своей головы.
Ты прими, дорогая, сыновний поклон.

Я полмира проехал, полсвета прошел,
Но в родное село не вернуться не мог:
Позабить ли мне где-то? — младенец совсем,
Сколько раз через этот я ползал порог!

Вот стою пред тобою, не мальчик, но муж,
Вот гляжу, как во сне, вот молчу, как немой,
Мир не тесен, я знаю, но, сердце мое,
Лишь у этого дома мы дома с тобой.

II.

Первый шаг мой за двери, как помнится он!
Я молчал, белизной этих гор поражен.
Мне казалось, над нами, как бубен звучна,
Трепетала, гудела, качалась луна.

Мне запомнился скрежет обмерзших дверей,
Мама в облаке белом и звезды за ней.
И морозная пыль оседает у ног,
И белеет под дверью холодный порог.

А отец, он всегда появлялся в дверях
С тихой, грустной улыбкой в усталых глазах.
Пахло снегом и хвоей таежной от рук,
Будто горные кедры оттаяли вдруг.

Мой отец, он на фронт уходил в феврале.
Заровняла следы его выюга в селе,
Будто знала: дорога назад не нужна,
Будто знала: отца не отпустит война.

Только маме моей, сколько долгих почей
Все казалось ей: кто-то стоит у дверей,
Сапоги обметает, вот-вот постучит.
Мама лампу засветит и в сени спешит.

Так, наверно, бывает во все времена:
Ждет сначала солдата солдатка-жена,
А потом ожидает подросших детей —
Так и помню я маму у этих дверей.

Так и помню глаза: ожидающий взгляд.
Было четверо в доме у мамы ребят,
И у всех по дороге, у всех по судьбе.
Лишь о пятой забыла она — о себе

III.

Есть ли мягче постель, чем постелет вам мать?
Есть ли ужин вкусней, чем подаст вам она?
Будто в дальние годы над дальней горой
Круглым бубном на небе повисла луна.

И синеют вершины далеких хребтов,
Будто горы луна обвела серебром.
И забытая песня звенит в тишине,
То ли в доме каком, то ли в сердце моем.

Как мне ясны отсюда прошедшие дни,
Будто вновь повторяю дорогу свою,
Будто сердце опять ожидает весну,
Будто первую тайну лелеет мою.

И становится грустно опять, как тогда,
И становится сладко и радостно так,
И опять у меня на коленях худых
Позабытую книжку листает сквозняк.

Вот прозрачная звездочка всходит вдаль,
На свиданье зовя, на свиданье маня.
Вот телят своих гонит девчонка домой —
Не глядит, будто вовсе не знает меня.

С ней мы встретимся скоро и рядом пойдут
Наши легкие тени, лишь выйдет луна.
Но уже расходились дороги у нас,
И не встречей — прощанием встреча полна.

Эти школьные песни, как звонки они,
Как два голоса наши сплетаются вдруг!
Только грустно лицо у подружки моей,
Только все беспокойней пожатие рук.

И однако, однако все так хорошо:
Нам еще по семнадцать, и все впереди!
Эти школьные песни, как звонки они —
Золотой колокольчик трепещет в груди...

IV.

Двери, двери, вы так высоки и низки!
Двери, двери, вы так далеки и близки!
Пусть любовь без опаски шагнет на порог.
Но, как гром, за врагом ваш тяжелый хлопок.

...Не уснуть мне сегодня. С постели встаю.
За окном все от лунного света бело.
На ладони долины меж дремлющих гор
Золотыми глазами мигает село.

Я курю, я смотрю на родные дома.
Вот он — тот, где любовь я оставил свою.
Ты скажи, ну чего ты достиг, человек,
Что нашел, побывав в чужедальнем краю?

Юность, юность, ты ставишь вопрос напрямик.
Что ответу тебе я у этих ворот?
Я молчу. Я курю. Я иду на крыльцо,
Как идет обреченный на свой эшафот.

Где моя гильотина? Я к смерти готов.
Я покорен и тих. Я смирен, я не горд.
Только сердце стучит, только сердце стучит —
Про меня ли сказали, что духом я тверд?

Каждый шаг, как удар. Ну и пусть будет так —
Я немало их видел, дорог и тревог.
Стал мой волос рыжеть, будто спелая рожь —
Это ветер степной по пути его сжег.

И глаза мои тоже давно не черны
(Про меня ли сказали: как искры в ночи?)
Я их слышу, слова твои, сердце мое,
Пусть услышат их все — ты стучи, ты стучи.

...Двери, двери, вы были открыты любви.
Видно, плохо я жил, видно, плохо любил.
К алтарю свое сердце теперь я принес,
Только жрец мой ушел, и алтарь мой остыл.

Столько лет миновало... Не тень ли твою
Я ищу, я зову по дорогам земли?
Только годы идут, только годы идут,
Только голос твой глуше и глуше вдали.

В этом городе шумном, где ныне твой дом
(Ты теперь мне поверь, ты прости мне, прости!),
Я бывал. Только я постучаться не смог:
Было страшно тебя мне — чужую — найти...

Вот уж звезды погасли, зарделась заря.
«Здравствуй!» — солнце кричит, громоздясь на
утес.

Будто облачко легкое с чистых небес,
Ветер думы мои потихоньку унес.

Лишь у домика старого старый аил
Дымоходом чумазым к забору приник,
Будто песни печальные давних времен
Все бормочет старик, вспоминает старик.

V.

Дети в школу спешат. Все глядят на часы,
Будто вот их в дороге застанет звонок.
Где он, колокол наш, что гудел над селом,
Созывая нас утром на первый урок?

Этот колокол старый, как был он тосклив!
Всю войну по утрам он нам в окна гудел.
Нам поспать бы чуть-чуть, нам поесть бы чуть-чуть,
Только он нас, голодных, жалеть не хотел.

Сочной зеленью карта цвела на стене,
Океаны синели, желтели пески —
Сколько было на свете садов и полей,
Только были, как звезды, они далеки!

К нашей старенькой школе я утром иду —
Что-то тянет меня постоять у ворот,
Только в школьные окна глядит на меня
Мне совсем незнакомый глазастый народ.

Так же карты по крашеным стенам висят,
Так же зелены степи и рыжи пески,
Только весел звонок, только светел урок,
Только легче сегодня стоять у доски.

Посмотрите, как стало светло на земле!
Так глядите в сто глаз, так трудитесь в сто рук.
Вы стучите — любая откроется дверь,
Не робейте — и люди услышат ваш стук!

Мы — потомки воинственных древних племен,
Нас пожары войны обжигали не раз.
Нас немного на свете. Мы — малый народ.
Но для чести и славы достаточно нас!

VI.

Двери, двери, как трудно бывает подчас
До порога дойти и молчать возле вас,
И стоять и не сметь прикоснуться рукой,
И не слышать ни звука за тонкой доской!

Мой учитель, чья дума была так светла,
Мы на детские плечи подняли твой гроб.
Мой учитель, как страшно тропинка легла
Меж других, до погоста протоптанных троп.

Мой учитель, как тесны вдруг стали они,
Эти двери, куда мы входили не раз!
Мой учитель, как стал он просторен и пуст,
Этот дом, где встречал ты улыбкою нас.

Мой учитель, мы сами закрыли твой гроб,
Мы насыпали холм, положили венок.
Мы кепчонки сжимали, теснились вокруг,
Мелкий дождик в листве шелестел возле ног.

Где-то медные трубы вздыхали не в лад.
Кто-то плакал, глаза вытирая платком.
Мы простились с тобой под осенним дождем,
Но в сердцах ты остался весенним лучом.

Что поделатъ, мы все перед смертью равны.
Зашумят над землей голубые ветра,
Будут травы цвести над могилой твоей,
Будут парни подруг целовать до утра.

Что поделатъ, мы все перед жизнью равны.
И сплетаться рукам, и сливаться губам —
Нет на свете дверей, чтоб на слово любви
Не открыли запора влюбленным сердцам!

VII.

Есть на свете высокне двери, куда
Входят люди порой, как на вызов суда.
Входят, спину согнув, будто малый их чин
Непомерно тяжел для чиновничьих спин.

А за дверью двойною разостлан ковер,
По которому ходят, потупивши взор,
И услужливо тянут ладонь через стол,
Ибо надо здороваться, если вошел.

Даже люди, чьи плечи скалу подопрут,
Почему-то становятся низкими тут
И, оставив за дверью и важность, и бас,
Семят, будто вдруг поскользнуться боясь.

...Это было однажды не с кем-то, со мной —
За высокие двери и я угадал.
Сколько холода было во взгляде пустом
Человека, что там за столом восседал!

Я и в мыслях ни разу не думал о том,
Что нагнали ему обо мне наперед.
Ну чего я плохого по свету пронес,
Кроме слова любви о тебе, мой народ?

Я был молод, но я у дверей не дрожал.
Я не продал друзей, я не предал друзей,
Только сердце мое те глаза обожгли,
Только стали ему все обиды больней.

VIII.

Двери друга, как часто я их открывал!
Да в часы испытаний закрыл их мой друг,
Только взгляды, как будто с кинжалом кинжал,
Вдруг скрестились под их неприветливый стук.

Было много радушных друзей у меня.
Было б много, да все молодые года:
Сколько яда приходится в жизни испить
Из-за слова, что выронит хмель иногда.

Возле двери, к которой стремишься душой,
Вдруг застынешь, смущенно замедлив свой шаг:
То завистливый взгляд, то невнятный намек —
И в сегодняшнем друге увидится враг.

Но немало на свете хороших людей,
Но душа становилась светлей и теплей.
Так бывает, что друг оставляет в беде,
Но приходит другой — и умней, и верней.

И огромному миру навстречу опять
Двери настежь откроются в сердце твоём,
Будто ветер пройдет по струнам души,
Будто солнце коснется их светлым лучом.

...Вот и кончились, видно, скитанья мои,
Вот опять я стою у знакомых дверей,
В этом доме качалась моя колыбель,
В этот дом я пришел и взрослей, и мудрей.

И склоняется грустно моя голова:
— Здравствуй, мать, — говорю. — Я пришел. Я устал.
И опять виновато сажусь у окна,
Как малыш, что игрушки свои потерял.

ДУМЫ ЧАБАНА

Поэма

1.

Ой, вершины поседали!
Там метелица метет,
Кедры старые и ели
Держат снега легкий гнет.

И, гонимый непогодой,
Покидая летний стан,
Пожилой, седобородый,
С гор спускается чабан.

На высоком перевале
Опустел его аил,
Глядя в сумрачные дали,
Грусть глубоко затаил.

В дымоход снежок влетает,
Вьется, словно мошकारа,
И сугробик вырастает,
Где горел очаг вчера.

Но зато в селе, в долине
Ожил маленький домок.
Легкий, тоненький и синий
Из трубы пустил дымок.

Засветилось желтым светом
Невысокое окно.
Пустовавший долгим летом
Дом соскучился давно.

По хозяишу седому,
По ворчанью, табаку...
И хозяин тоже дому
Рад, как старому другу!

Овцы сгрудились в кошаре —
Стены здесь им не тесны:
Теплой хмари надышали
И глядят овечьи сны.

Тихо. Глухо. Лишь во мраке
Огоньки в селе дрожат,
Лишь от холода собаки
Лают громко и визжат.

А чабан сидит спокоен,
Чай покрепче вскипятил.
Поседел бывалый воин,
Но покуда полон сил.

Даже вроде поредела
Сеть морщинок на челе,
Только раны то и дело
Ноют, старые, в тепле.

2.

Все гудит огонь в печурке,
Смотрит, щурится старик,
Будто с кем играет в жмурки,
Вспомнив детство в этот миг.

Бродит ветер за кошарой,
Тени ходят по стене,
Головой качает старый,
Улыбаясь в полусне.

Видно, сон ему приятен.
Снится: горы зелены,
Он красив, он молод, статен,
Он вчера пришел с войны.

На груди звенят медали,
Полыхают ордена.
Молодая, в яркой шали
Рядом с ним стоит жена.

Он взволнованно и тихо
Шепчет ей слова любви,
И гарцует рядом лихо
Конь — поди, останови!

Длится радость, не кончаясь—
Знать, не будет ей конца,
А цветы шуршат, качаясь
Возле самого лица.

Да к тому ж однополчанин,
Закадычный русский друг,
И негадан, и печаян,
Заявился в гости вдруг.

Тот, с кем шли по нивам взрытым,
Фронтной делили быт,
Тот, кто числился убитым,
А выходит, не убит!

Свеж и ясен день весенний.
«Дай-ка в кружечку плесну!»
Много было воскрешений
В ту победную весну!

«Хорошо, что мы живые!
Дружба старая крепка!»
Льется в кружки фронтовые
Огневая арака.

Но друзья не замечают
Силы-крепости ее —
Головами знай качают,
Вспоминают про свое.

Как дралась в огне и стуже,
Смерть в бою не раз поправ,
Как вели огонь «катюши»
На одной из переправ.

Как река вскипела — Висла
Называется она,
Как над Вислой этой висла
Дымовая пелена...

3.

Дальше снится: дети малы,
Он в горах пасет овец.
Ясноглазый, щеки алы,
Сын кричит ему: — Отец!..
Над лугами, над лесами
Встала радуга, пестра,
Блещет черными глазами
Рядом с мальчиком сестра.

«Сам не стар, детишки — рядом,
Золотые времена!..»

Пробудясь, он долгим взглядом
Смотрит в стекла. Ночь темна.
Разыгравшись, зло и грубо
Воют лютые ветра.
Встал старик. На плечи — шуба:
Навестить овец пора.

На крыльцо чабан выходит
И, откинувши засов,
На овец фонарь наводит,
Беспокойных гладит псов:
«Ишь ведь, лаять вам охота!
Или впрямь средь этой тьмы
Вам увидеть можно что-то,
Что не видим все же мы?
Что вас, верные, тревожит
Уж который раз подряд?
Вам почуялся, быть может,
Серый волк — ваш старший брат?
Или впрямь в ночных просторах,
Где мерцают огоньки,
Духи бродят, о которых
Нам твердили старики?
Кто ж такие — духи, черти?
Говорили: может быть,
Это души, после смерти
Обреченные бродить.
Не мешало б разобраться:
Почему, в конце концов,
Люди глупые боятся
Этих самых мертвецов?
Сколько раз, когда усталость

С ног валяла на войне,
Рядом с мертвыми случалось
Нам забыться в тяжком сне.
Жизнь серьезней старых басен:
Пусть любая тьма кругом —
Что мертвец? Живой опасен,
Если стал тебе врагом!»

4.

Все сильнее ветер злится.
Вновь уснуть бы невзначай —
Только старому не спится.
Топит печку. Греет чай.
Размышляет: «Как ни сетуй,
Вот и дожил до седин.
Почему же в осень эту
Здесь, в избушке, я один?»
И, хлебнув густого чаю,
Снова думает старик:
«Я-то здесь не заскучаю
Сам с собою. Я привык.
Все же дней провел без счета
Средь овец, листвы, травы...
О другом в душе забота:
Дети, счастливы ли вы?
Я хотел вам лучшей доли,
Я подарки вам дарил,
Всякий раз за двойку в школе,
Как положено, корил.
Не одной прогулки ради
Летом, в ясном свете дня
Вперед себя и сзади
Я сажал вас на коня.
Всей семьей мы кочевали

По родным крутым горам,
Всей семьей мы начинали
Труд чабанский по утрам.
Но едва сентябрь примчится
И коснется поздних трав,
Я твердил: «Теперь — учиться!»
Пли был я в чем не прав?

Старший мой — смысленый парень,
Несмотря на озорство!
Как не буду благодарен
Этой жизни за него?
Дерзким был — зато в ученье
Всюду ставился в пример...
А теперь в свое селенье
Не вернется: инженер!
Ведь не всем ходить с отарой —
В мире много всяких дел.
Чем же ты расстроен, старый?
Ты не этого хотел?

Дочка — врач. И тоже, тоже,
Как ни думай, ни гадай,
Никогда теперь, похоже,
Не вернется на Алтай.
А, бывало, так любила
Кедров шум, альпийский луг...
Неужели все забыла,
Все чужим ей стало вдруг?
Нет, конечно: как нагрянет
Летом в отпуск, в край родной,
На родные горы глянет —
И становится иной,
Не «приезжей» — в самом деле
Здесь не ей девочкой, как встарь...

Но пройдет лишь две недели —
И коснется в календарь!

5.

Ночь плывет. Пылает печка.
Скоро утро. А пока —
Как пугливая овечка,
Сон бежит от старика.
И кому-то, вспоминая,
Он кивает: знаю сам,
Велика страна родная —
Есть куда лететь птенцам!
Где-то ветер вздул погоду,
Волны бесятся в ночи —
Там ведет свою подлодку
Сын-полковник — Адучи.
На плечах его погоны,
Словно крылышки, видны,
Он — на службе Обороне,
Он хранит покой страны.
Если надо, встретит смело
Всех непрошенных гостей...
Что сказать? Святое дело,
В мире нет его святей...»
Только в сердце ворохнется,
Что теперь уж сын, считай,
Разве к пенсии вернется
На священный свой Алтай!

Светка — та актрисой стала.
Тоже служба. Тоже хлеб.
Знать, не зря, пока взрастала,
У дочурки голос креп.
Боевой была девчонкой —

И ровесников своих
Веселила песней звонкой,
Пляской радовала их.
Может, лучше бы завклубом
Оставалась на селе,
На Алтае, сердцу любом,
На родной своей земле?

Есть еще в Москве наследник.
Ах, давно ли, поглядишь,
Ткнувшись матери в передник,
Плакал горестно малыш.
А теперь-то — неземное
Выбрал дело и судьбу:
Смотрит на небо ночное
Через длинную трубу.
По небесной кровле шаря,
До которой не достать,
Не овец ему в отаре —
Звезды выпало считать.
Звезды, звезды — словно соли
Серебрянки на столе.
Что там ищут? Мало, что ли,
Дел осталось на земле?
Впрочем, что я, старый, знаю?
Грех судить со стороны.
Велика страна родная.
Все ей нужно. Все нужны.

Е.

И раздумье овладело
С новой силой стариком.
Разжигает то и дело
Трубку жарким угольком.

Вспоминает не впервые
Разлетевшихся орлят.
Нет, не раны фронтовые
Это, кажется, болят,
Это — сердце. Что же кроме?
Он вздыхает тяжело:
«Младший сын еще при доме.
Он к друзьям ушел в село.
Упрекнешь ли парня в этом?
Тоже долго не бывал
На людях, он тоже летом
По горам чабановал.
Парень добрый — знает каждый,
Руки есть и голова,
Вот кому скажу однажды
Я прощальные слова!»

У огня старик склонился,
Снова тихо загрустил:
«Поскорей бы сын женился,
Ребятишек народил,
Да и зажил бы, в растая
В деревенские дела,
Чтоб вовеки на Алтае
Наша кровь не умерла,
Чтобы те луга и дали,
Где отары мы пасли,
Невзначай не одичали,
Лесом вдруг не заросли!»
А табачный дым слонится,
Потихоньку ворожа,
В печь горящую струится —
Тяга нынче хороша...

Снег в окне кружится шибко,
 Мучит память чабана:
 Может, в жизни есть ошибка?
 Разберись-ка, где она!

Жил по совести и чести,
 Не кривил душой вовек,
 Был с людьми повсюду вместе,
 Работящий человек.

Дети, дети... Что тут скажешь?
 Хоть мудрейшего спроси —
 Как сегодня их обяжешь:
 «Здесь живи! Овец паси!»?
 И когда настанут сроки —
 Как удержишь их, детей:
 В мир просторный и широкий
 Не закроешь им путей!
 А путей манящих этих
 Есть немало в наши дни...
 Он, старик, уверен в детях,
 Твердо знает, что они
 В трудный час его не бросят —
 Будет сыт, обут, одет...
 По себя он не попросит
 Приютить на склоне лет.
 Он отсюда не поедет
 Ни в какие города:
 Здесь родился — здесь и встретит
 Час последний. И тогда
 Он исчезнет, как сухая,
 Пожелтевшая трава,

Жизнь ни в чем не упрекая,
Ибо жизнь всегда права.
«Ну а если понимаешь,
Что права — зачем всю ночь,
Старый, голову ломаешь
Так, что сон уходит прочь?» —
Так себя он утешает,
Так себе он говорит.
А метель не утихает,
Трубка гаснет, не горит.
Да от холода собаки
Громко лают и визжат,
Да в рассветном полумраке
Огоньки в селе дрожат.
Ветер свищет громко, длинно,
И нахохлились дома.
В погрустневшую долину
С гор спускается зима.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

И СУ Д Ь Б Е Б Л А Г О Д А Р Е Н

«В пути, как факел поднимаю, Слово...» <i>Перевел И. Фоняков</i>	7
Кочевники. <i>Перевел Е. Храмов</i>	8
Думы у Мавзолея. <i>Перевел И. Фоняков</i>	10
Партийный билет. <i>Перевел И. Фоняков</i>	12
«Нет, я не Прометей...» <i>Перевел Е. Храмов</i>	14
«Ночью птицы глухо кричат...» <i>Перевел И. Фоняков</i>	17
Моему мальчику. <i>Перевел И. Фоняков</i>	19
«Я разыскивал юность свою...» <i>Перевел И. Фоняков</i>	22
Друзьям. <i>Перевел И. Фоняков</i>	24
Как птицы... <i>Перевел И. Фоняков</i>	26
Живая вода. <i>Перевел И. Фоняков</i>	28
Я — алтаец. <i>Перевел А. Смольников</i>	30
Лето. <i>Перевел И. Фоняков</i>	32
Другу. <i>Перевел И. Фоняков</i>	35
Маленький художник. <i>Перевел И. Фоняков</i>	37
Слово, сказанное людям. <i>Перевел А. Смольников</i>	39
Коммунист. <i>Перевел И. Фоняков</i>	41
Есть неведомая связь... <i>Перевел И. Фоняков</i>	42
Алтай. <i>Перевел А. Смольников</i>	44
Я — майя. <i>Перевел А. Смольников</i>	45
Весна. <i>Перевел А. Смольников</i>	47
Октябрь. <i>Перевел А. Смольников</i>	49
Думы. <i>Перевел А. Смольников</i>	51
Слово. <i>Перевел И. Фоняков</i>	53
Алексею Калкину. <i>Перевел И. Фоняков</i>	55
Ветер любви. <i>Перевел И. Фоняков</i>	57
Высота. <i>Перевел А. Смольников</i>	59
Сосна. <i>Перевел А. Смольников</i>	61

На берегу Иша. Перевел А. Смольников	62
Аргonautы. Перевел А. Смольников	65
Деревенская кузница. Перевел А. Смольников	67
Человек. Перевел И. Фояков	69
Смерть колхозника. Перевел Е. Храмов	73
«Трубят маралы...» Перевел Ю. Гордиенко	76
Золотая кукушка. Перевел Е. Храмов	79
Кедры гибнут. Перевел Е. Храмов	81
Письмо на Родину. Перевел А. Плитченко	82
«Когда я говорю: «О мой Алтай!..» Перевел А. Смольников	84
Сомнение. Перевел А. Смольников	85
«Из грохочущих, дымных, больших городов...» Перевел А. Смольников	87

ЛИРА БРАТСТВА

Комус. Перевел И. Фояков	91
«Я их скажу, высокие слова...» Перевел А. Смольников	95
Сергеевна. Перевел А. Смольников	97
В доме Урастырова. Перевел А. Смольников	100
Чурапча. Перевел А. Смольников	102
Дума у могилы Абая. Перевел А. Смольников	104
Голос домбры. Перевел А. Смольников	106
Кавказские горы. Перевел А. Смольников	108
Бронзовая дева. Перевел А. Смольников	110
По небу голубому улетят. Перевел Л. Чикин	112
Художник и революция. Баллада. Перевел И. Фояков	114

ОТБЛЕСК ПОЖАРОВ ВОГНЫ

Коммунары. Перевел Л. Чикин	119
Алтайский эскадрон. Перевел Е. Храмов	121
Песни комсомолок. Перевел А. Смольников	123
Женщины военных лет. Перевела Е. Стюарт	125
Сон. Перевел А. Смольников	127
Деревья. Перевел А. Смольников	129
Огни Москвы. Перевел И. Фояков	131
Речка Кальмус. Перевел А. Смольников	133
Дорога. Перевел И. Фояков	136
Ружье. Перевел А. Смольников	139
«Здесь умирали вонны за нас...» Перевел С. Мнацаканян	141

Адаров
Аржан Оинчинович

ЦВЕТЫ
У ВЕЧНЫХ СНЕГОВ

Стихи и поэмы

Редактор
Вл. Башунов
Художник
В. Еранкин
Художественный редактор
Б. Лупачев
Технический редактор
М. Сафонова
Корректоры
Н. Тырышкина,
Г. Ульченко

ИБ № 510

АГ 04720. Сдано в набор 4. 11. 1978 г.
Подписано к печати 9. 01. 1979 г. Фор-
мат 70x90/32. Бумага тип. № 1. Гар-
нитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 8,19. Уч.-изд. л. 6,937. Ти-
раж 5000 экз. Заказ № 2452. Цена 90 коп.

Алтайское книжное издательство Госу-
дарственного комитета РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли — 656015. Барнаул, Ле-
нина, 76.

Производственное объединение «Полигра-
фист» управления издательств, полигра-
фии и книжной торговли крайисполко-
ма — 656023. Барнаул, Титова, 3.

90 коп.